

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Ульяна Черкасова

ПОЖИТОК, НАШ САД ПОГИБАЕТ

художник
Лидия Магонова

Золотые земли

Ульяна Черкасова

Посмотри, наш сад погибает

«Кислород»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасова У.

Посмотри, наш сад погибает / У. Черкасова — «Кислород»,
2023 — (Золотые земли)

ISBN 978-5-353-10564-0

Первый том дилогии «Наш сад» в полюбившемся читателям мире «Золотых земель»! Работа у Белого из братства убийц Воронов простая: выполнить заказ и получить заслуженную награду. Но не в этот раз. Новой жертвой стала Велга Буриной – дочь знатного купца. Ее родителей убили, брата похитили, а на саму Велгу теперь охотится добрая половина Старгорода. Чтобы завершить дело, Белому придется заключить с Велгой временный союз. Иначе смерть грозит им обоим. Клубок заговора сплетается все туже. Полное уничтожение грозит уже не только роду Буриных, но и братству Воронов. Всем спастись не удастся.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-353-10564-0

© Черкасова У., 2023
© Кислород, 2023

Содержание

Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ульяна Черкасова

Посмотри, наш сад погибает

© Ульяна Черкасова, текст, 2023

© ООО «РОСМЭН», 2023

Пролог

Рдzenia, Старгород

569 г. от Золотого рассвета, месяц травень

– Все сказки начинаются похоже: с чудовища. Поверь мне, я рассказал сотни и сотни сказок, я точно знаю. Жили-были добрые люди, не тужили, и вдруг налетела беда: буря, крылатый змей, чудище или даже сама смерть, а славный молодец или славная девица отправились в дальний путь, чтобы побороть это чудище.

Стол был липким, а пиво тёплым. От Вадзима разило чесноком, салом и потом. Он сделал глоток, поморщился и поднял загорелую по локоть руку.

– Эй, хозяин! Ты мне вместо пива мочу какую-то налил. Принеси холодного пива!

Пожилой пузатый хозяин корчмы «Весёлый кабанчик» посмотрел на него недовольно и махнул рукой девчонке-подавальщице. Вадзим отодвинул кружку на край стола, взял из миски кусок сала и принялся медленно, смакуя, посасывать. На Белого он не смотрел.

– Так что, да, это порядок такой сказочный: должно быть чудовище.

– Это ты намекаешь, что я – чудовище?

– А-ха-ха! – оскалился Вадзим. – Сам, значит, понимаешь? Да, Белый, ты настоящее чудовище, отличное просто. Я про тебя однажды сказку сочиню или даже целую песню. Смотря как пойдёт.

– И о чём будет эта сказка? – Белый невольно потёр левое запястье.

Руку жгло от двух свежих заказов, и рукав, несмотря на свежую повязку, покраснел от сочившейся крови.

– О Белом Вороне и... да хоть яблоневома саде. Я тебе так скажу: лойтурцы жуть как любят складывать песни о всяких воинах, которых зовут Белыми. Обычно, правда, это какой-нибудь Белый Волк или Белый Медведь, но Белый Ворон тоже пойдёт. Ты вообще подходишь для того, чтобы стать героем песни: волосы белёные, глаза как молоко, даже нос, – он ткнул перед собой жирным пальцем, и Белый невольно отстранился, отчего лавка под ним покачнулась и стукнула ножками об пол, – сломанный, как раз похож на клюв.

– Не сломан у меня нос, – скривился Белый. – Он с рождения такой.

– Уверен? – Вадзим пригляделся с недоверием. – Похоже, что сломанный.

– С рождения, я тебе точно говорю, – голос у Белого был хриплым, сонным. Он придвинул миску с кашей и принялся есть. – Ну что, будем обсуждать мой нос?

К их столу подошла подавальщица и грохнула кружкой так, что пиво расплескалось.

– Вот, – сказала она. – Прямо из погреба. Холоднее, чем твоя бабка в могиле.

– Ты мою бабу не тронь, красавица, – возмутился Вадзим, скаля удивительно белые для его возраста зубы. – А то я про твою расскажу тако-ое...

– Лучше расскажи, когда заплатишь за еду и постой, – отрезала девушка. – Отец не будет вечно кормить тебя за простое спасибо.

– Завтра вечером, красавица, завтра.

Вадзим почесал щёку, ещё больше взъерошив бороду.

– Приведи себя в порядок, – брезгливо поморщилась девушка. – Если будешь выступать в таком виде, весь народ распугаешь.

– Не-е, – протянул Вадзим с таким видом, точно его вот-вот стошнит. – Выступать я не буду. По крайней мере, не завтра.

Медленно подавальщица потянулась к кружке с пивом, но Вадзим перехватил её руку.

– Отдай, – процедила девушка.

– Нет, – надулся Вадзим. Тёмные глаза зло сощурил. Он отпил из кружки и облегчённо вздохнул: – Вот он за меня заплатит. Мы с ним друзья.

– Мы не друзья, – хмуро поправил Белый.

В тёмных глазах Вадзима читалось нечто похожее на обиду.

– Но ты всё равно за меня заплатишь. Половину точно. Ещё половину заплачу сам, когда мне станет лучше.

Девушка повернулась, оперлась рукой на стол и окинула Белого внимательным взглядом. Всё подметила: и перстень, и калиту на поясе, и кожаный дублет, шитый явно за немалые деньги.

– Ты за него платишь? – уточнила она.

– Я плачу ему, – черпая ложкой кашу, холодно ответил Белый. – А он уже пусть разбирается с вами.

– Кхм, – она поджала губы. – Ла-адно, Вадзим, пей своё пиво. Но пока не заплатишь хотя бы половину, больше тебя кормить не будем. И гусли твои я лично разобью на мелкие щепки.

Вадзим скорчил злую морду.

– А смысл тебе, Милка, мои гусли бить? Без них я вовек не расплачусь, – сказал он, но гусли всё-таки придвинул поближе к себе, подумал и вовсе положил с другой стороны стола.

– Не поверю, красавица, что ты сможешь выставить меня на улицу.

Мила медленно склонилась над столом.

– А ты проверь, – недобро шурясь, сказала она. – А ты, – ткнула она пальцем в Белого, – заплати ему. Он должен моему отцу кучу денег.

Наконец она ушла. Белый проследил за ней взглядом без особого любопытства, подмечая торопливую походку и резкие движения.

– Так за что я тебе должен заплатить? – спросил он, зачерпнул со дна миски остатки каши, доел её и положил руки на стол, приготовившись слушать.

– За сказку о чудовище. – Вадзим на весу отрезал неровный ломоть хлеба.

– И яблоневои саде, – напомнил Белый.

– И о нём тоже.

Говорить о деле Вадзим явно не спешил, и Белый начинал раздражаться.

В «Весёлом кабанчике» с утра былолюдно и шумно, и это не казалось удивительным: стоял он совсем рядом с Красными воротами, через которые проезжали повозки на Совинский тракт. Многие останавливались, заходили посидеть на дорожку или, наоборот, отметить прибытие в Старгород.

Белого толпа раздражала, и он мечтал поскорее уйти.

– Рассказывай, Вадзим, не тяни, – попросил он.

– Я устал. Топал от самого Твердова...

– Тем более говори покороче. И без этого твоего сказочного, – он покрутил кистью руки.

– Как хочешь, – гусяр выглядел обиженным. – Без этого так без этого.

– При чём тут Буривой?

– Как ты догадался? – Вадзим чуть не поперхнулся пивом, капли потекли по тёмной бороде.

– А кто ещё в Старгороде известен своим садом? Они так им кичатся, будто он из золота сделан.

– Тут дело не в золоте, а в том, что во всём Старгороде ни у кого даже репа толком не растёт, всё везут издалека, а у Буривоев сад чуть ли не каждый год плодоносит.

– И?

– Говорят, это потому, что они город основали. Сама мать сыра земля их благословила. Белый с сомнением хмыкнул. Были боги на этом свете, которые от него, Белого, отреклись ещё при рождении, и мать сыра земля стала первой из них.

Вадзим ещё глотнул пива и наконец приступил к рассказу:

– В общем, речь действительно о Буривое...

Белый придвинулся, перегибаясь через стол:

– Что с ними?

– О, ты не слышал? – хмыкнул Вадзим. – Кажимеж Буривой, кажется, вступил в торговую войну.

– Так все в Старгороде в неё вступили, – пожал плечами Белый. – Что с того?

– Буривой, – Вадзим заговорил тише, – теперь на стороне Златоборска.

– Да ладно?

Корчма гудела, точно улей. Без конца хлопала входная дверь, гремели горшки и кружки, стучал топорик в руке хозяйки, тихо ворчала печь, и люди галдели без умолку.

Вряд ли кто-то мог их услышать, но Вадзим всё равно перешёл на шёпот:

– У Буривая остался только младший сын, двое старших утонули во время ледохода, когда ратиславцы попытались прорваться. А у князя Вячеслава Окаянного есть дочь, как раз ровесница мальчишке. И Буривой с Вячеславом договорились породниться через детей.

– Ага, – протянул Белый. – И что от меня требуется?

– Ничего особенного. Просто нужно сделать так, чтобы у Буривая не осталось наследников вообще.

Но знаков на запястье Белого было вырезано не один, а два. Значит, дело не только в мальчишке.

– Так нужен только сын или все дети Буривая?

– А детей у него осталось всего двое: сын и дочь.

– Да раз плюнуть. – Белый облизал губы в предчувствии сладкого вкуса посмертков.

Он сильнее впился ногтями в грязную столешницу. Губы невольно растянулись в лёгкой улыбке. Это будет быстро и просто.

– Но лучше поторопиться: девчонку давно посватали какому-то скренорцу из Ниенсканса, и как раз завтра утром она уезжает. Её тут всем городом провожать будут. Нежелательно, чтобы она добралась до жениха. Он, говорят, знатный воин и может помочь своему тестю, послать людей на помощь...

– Как всё удачно сложилось, – хмыкнул Белый. – Но неужели нельзя было меня раньше нанять? Кто такой умный тянул до последнего с заказом?

– А кто оплатит заказ, тебя не касается, – Вадзим взял кружку, осушил её и вытер пивные усы. – Просто убей девчонку с мальчишкой и возвращайся завтра вечером ко мне.

– Сколько?

– Три тысячи.

Белый редко показывал чувства, но на этот раз не смог скрыть удивление.

– Три тысячи? – хрипло переспросил он. – Золотом?

– Три тысячи золотом, Белый, – довольно улыбнулся Вадзим. – Четверть мне, сам понимаешь. Но всё остальное твоё.

– Звучит сказочно прекрасно. Что, никакого подвоха?

– Никакого подвоха, – заверил гусяр.

Белый достал из калиты пару серебряных монет с чеканной совой, положил на стол.

– Расскажи-ка побольше про этого Буривого и его сад.

Глава 1

*Умер покойник
В среду, во вторник,
Пришли хоронить —
Он из окошка глядит.*

Русская народная святочная игра

*Рдзения, Старгород
Месяц травень*

Велга распахнула ставни, и перед ней раскинулось цветущее яблоневое море. Белые волны слегка покачивались на ветру. Буйно расцвёл сад, и казалось, можно было нырнуть в это море и утонуть в сладком яблоневом духе.

Подул ветер, развевая длинные кудри Велги. Она облокотилась о подоконник, прищурилась, подставив лицо солнцу.

Как грустно было любоваться цветением родительского сада в последний раз. На севере, где жил её жених, вряд ли весна бывала так же прекрасна. Матушка часто вспоминала свои родные края и говорила, что край тот суров и мрачен.

Впрочем, у Велги были весомые причины стремиться подальше от людного, богатого Старгорода на недружелюбный север.

– Господица, – окликнула её Бажена, – матушка тебя ждёт.

– Да, сейчас, – Велга приоткрыла глаза, но даже не оглянулась. – Ещё немного.

Она увидела мелькнувший рыжий хвост между ветвями и услышала звонкий лай. Собака побежала через сад к частоколу. Там по тропинке прогуливался отец вместе с гостем.

Оба заметили Велгу. Отец помахал рукой, гость почтительно поклонился.

– Отец меня зовёт, – Велга обернулась наконец к Бажене.

– Велга, – с укором произнесла нянюшка. – Госпожа Осне уже давно тебя ждёт.

– Да-да, сейчас, – неохотно отозвалась Велга, глянула с тоской на цветущий сад. – Я скоро приду! – выкрикнула она в окно.

Нетерпеливо ёрзая, Велга позволила нянюшке заплести волосы в длинную косу.

– Поторопись, Бажена, – поджала Велга губы, будто не сама тянула время.

С улицы доносился звонкий лай, и невыносимо хотелось убежать из шумного дома в сад и провести последний день с отцом.

– Сапожки, господица, сапожки, – напомнила нянюшка, когда Велга радостно соскочила с места и кинулась к двери.

– Ох, давай скорее! – нетерпеливо притопнула девушка, обулась и выскочила из ложницы.

В усадьбе Буриная было шумно. От нижних клетей до самой горницы звучали голоса. Видано ли: из дома наутро должны были уехать сразу оба наследника, а вечером обещали справить пир.

– Да озарит Создатель твой путь, господица Велга, – дорогу ей преградил Данила. Он был такой здоровый, что заслонял собой весь проход, зато легко в одиночку тащил её, Велги, сундук. – Вот вещи твои несусь в повозку, – он улыбался так широко, что можно было пересчитать все зубы. Тёмные глаза прожигали Велгу насквозь. – Это... в общем, даже не верится, – он всё ещё пытался улыбаться, только в тихом голосе сквозила грусть.

Велга попыталась обойти Данилу, только ничего не вышло, и она вжалась в стену, пропуская его вперёд на лестницу.

– Во что тебе не верится?

– Что ты уже уезжаешь, господица. Как-то... даже не верится, что уже пора прощаться.

Она порадовалась, что руки у Данилы были заняты. Он мог и полезть обниматься к господине.

– Ещё не пора, Данько. Завтра поутру придёт пора. Не провожай меня раньше времени.

– Ага.

– И не плачь, – Велга заметила, что глаза у юноши были на мокром месте. – Что ты, в самом деле? Я же не умираю, а замуж выхожу.

– Ты, господица, – произнёс он с придыханием, явно едва сдерживая нахлынувшие чувства, – будешь теперь далеко, а это, считай, то же самое.

Он обернулся, пытаясь разглядеть Велгу, и не заметил Муху, которая поднималась по лестнице.

– Куда, остолоп?! – взвизгнула Муха и пригнулась, чтобы увернуться от сундука. – Вот же медведь неповоротливый.

– А? Ой! Муха, прости, – Данила закрутился на месте, замотал огромным сундуком с кованными углами. Девушки отскочили от него в разные стороны.

– Кто только додумался его в дом пустить? – выгнула бровь Муха. – Ему бы на конюшне за лошадьми ухаживать.

– Пожалей лошадей, Муха, – хихикнула Велга. – Он переломает им хребты.

– Чего вы? – надулся Данила. – Я же осторожно.

– Пожалуйста, Данько, – протянула сладким голосом Велга, – отнеси этот сундук в повозку и не сломай. Там мои любимые наряды.

Пунцовый от смущения холоп начал спускаться. Девушки, взявшись за руки, прошли к покоям хозяйки. Велга рядом с Мухой чувствовала себя почти неловко. Раньше они обе были

худощавые, юркие, лёгкие, но последние годы их изменили, и Муха вдруг вытянулась, стала высокой, статной, а Велга так и осталась крошечной.

– Спорим, Данько завтра разрыдается, когда мы будем уезжать? – хмыкнула Муха.

– А ты нет?

– Не дождёшься, – она улыбнулась, храбрясь, но не смогла скрыть тоску: – Если только потом, когда выедем за ворота, чтобы он не увидел.

Они остановились у двери, всё не разнимая рук.

– Я уже скучаю по дому, Велга.

– Как я и сказала, можешь остаться, если хочешь. Я уговорю родителей. Но ты мне нужна будешь там.

– Ну уж нет, – помотала головой Муха, точно отряхиваясь от печальных мыслей. – Мне, может, тоже хочется замуж за какого-нибудь северянина. Вряд ли, конечно, там все хлопцы как Ярополк Снежный... – она мечтательно закатила глаза, и Велга тоже не удержалась, вздохнула, вспоминая песни, что гусяры пели о великом князе.

– Ладно, я пойду, – неохотно пропищала Велга и толкнула дверь в покои родителей. – А то как вспомню про Снежного князя, и...

– Ох...

– Да-а-а...

– О чём вы там вздыхаете? – раздался холодный голос матери из-за приоткрытой двери. Слышно было, как Муха, хихикая, убежала прочь.

Велга прикрыла за собой дверь, задержалась у порога. В покоях ярко светило солнце, ставни оказались широко распахнуты, из них открывался вид на благоухающий сад.

Госпожа Буриной расчёсывала волосы Кастусю, а тот вертелся и всё пытался вырваться.

– Да озарит Создатель твой путь, матушка, – легко поклонилась Велга.

– Доброе утро, родная, – на мгновение отвлеклась мать и случайно дёрнула запутанную прядь, отчего сын громко ойкнул. – Сиди смирно. – Она положила руку с длинными, униженными перстнями пальцами ему на плечо.

На полу, так же непоседливо елозя, как и Кастусь, лежала мартышка. В передних лапах у неё был царский орех, задними она дрыгала в воздухе. Заметив Велгу, мартышка вскочила, радостно загугукала на свой чудной манер и ловко взобралась девушке на плечо.

Велга погладила мартышку по медной шёрстке, а при виде брата скривилась. Он в ответ показал ей язык, отчего девушка вспыхнула и тоже показала язык.

– Велга, не веди себя как ребёнок, – даже не взглянув на неё, привычным ровным тоном сказала мать. – Константин, сиди смирно и дай себя расчесать. Тут колтун. Ты же не хочешь, чтобы собственная невеста подняла тебя на смех? Приедешь в Златоборск, а у тебя волосы в колтунах, как у дворовой псины.

– И все решат, что у него лишай, – добавила Велга.

– Сама ты лишай!

– Это ты лишай! – вспылила девушка.

Мартышка на её плече испуганно пискнула и спрыгнула на пол, схватила обронённый орех и утащила в дальний угол.

– Хватит, вы оба, – голос матери прозвучал так же холодно и ровно. – Белка ведёт себя лучше вас, а она всего лишь глупая мартышка. Велга, ты уже не маленькая. Будь сдержаннее. Константин, – добавила она с большей угрозой, – сиди смирно.

Сцепив руки и тяжело вздохнув, Велга прошла к окну, нарочито громко топая.

Ставни были испещрены резными волнами и ветвями. Буря и дерево – знаки рода Бури-воев. Велга провела пальцем, очерчивая кудрявую, как её рыжие волосы, волну. Завтра Велгу повезут на север, к холодным водам ледяных морей, где, как рассказывали, никогда не таял

снег. Из тех земель однажды пришли предки отца, на тех невзрачных берегах выросла её мать, и туда же лежал путь ей, Велге.

– Почему вы так меня называли? – спросила она, водя пальцем по ветвям дерева, под корнями которого бушевали волны.

– Что? – переспросила мать.

– Обычно девушкам у нас дают троутосские имена, на худой конец рдзенские, – пожалала плечами Велга. – И братьев зовут по-нашему. А мне досталось северное, как у тебя.

– Хм... чем тебе не угодило имя? Оно как река, «Велга» означает «освежающая»...

Кажется, мать снова случайно дёрнула гребешком, и Кастусь жалобно ойкнул.

Мстительная улыбка расплылась на губах Велги. Брат был младше её на девять лет, и те девять лет, что она прожила без него, были лучшими в её жизни. К счастью, скоро они должны были разъехаться на разные концы света.

На подоконник рядом с Велгой вдруг сел грач, и она отпрянула в сторону.

– Что такое? – оглянулась встревоженная мать.

Её нефритовые глаза широко распахнулись, но госпожа тут же взяла себя в руки.

– Грач, – жалобно произнесла Велга, пятясь от окна.

Птица сидела на подоконнике, смотрела внимательно, не мигая, прямо на Кастуся. Брат сморщил плаксивое лицо. Госпожа Осне пожалала плечами.

– Грачи – хорошие птицы, – вновь проводя гребешком по рыжеватым волосам мальчика, произнесла она. – Не стоит их бояться.

– Я не боюсь, – нахмурилась Велга. – Странно, что и он нас не боится.

– Это к счастью, – уверенно сказала мать. – Грачи всегда хорошая примета.

Наконец она отпустила Кастуся, и тот тут же взъерошил себе волосы двумя руками. Мать вздохнула, но причёсывать его больше не стала.

– Велга, подойди, – позвала она устало.

Вместо Велги первой подскочила Белка. Отбросив ореховую скорлупу на пол, она запрыгнула на столик и с любопытством заглянула в ларец. Мать бережно взяла мартышку и опустила на пол.

Тонкими длинными пальцам Осне перебирала украшения. Велга задержала дыхание. Прежде, будучи совсем ещё маленькой девчонкой, она считала этот ларец почти сказочным. Пока мать не видела, Велга, ускользнув от нянюшек, пробиралась в покои родителей, примеряла на себя гривны, перстни и обручья. Отец любил матушку и дарил ей лучшие украшения. Сколько там было камней, сколько золота!

– Я хочу отдать это тебе, – мать достала из ларца височные кольца. – Они принадлежали твоей бабушке Богуславе. Все женщины из рода Буризовых их носят.

– Даже после замужества?

– Конечно.

– И тётка Далибора?

Мать недовольно поджала губы, но кивнула:

– Даже она.

Буйные волны и переплетённые корни. Осторожно Велга приняла височные кольца из рук матери. Пожалуй, из всех украшений, что хранились в ларце, эти меньше других пришлись ей по сердцу. Они были старыми, потёртыми и слишком простыми.

– Тебе что, не нравится? – едва заметная буря послышалась в голосе матери.

– Нравится! – воскликнула Велга, но обида читалась в надутых алых губах, в плаксивом взгляде, в нахмуренных бровях. – Просто...

– Ты уезжаешь из дома навсегда, Велга. Ты станешь хозяйкой в Ниенскансе, в чужой для тебя земле...

– Это твоя родина.

– Я родом из Снежного, а не из Ниенсканса. Тебе выпала великая честь, Велга. Ты будешь хозяйкой нового города. – Мать коснулась указательным пальцем её подбородка и заставила приподнять голову.

– Какая из неё хозяйка? – пробубнил Кастусь.

Велга замахнулась, но мать перехватила её руку у затылка брата.

– Велга, – прищурилась она недобро и перевела взгляд на сына: – Ты тоже помалкивай, Константин.

– А я чего? Это всё она.

– Константин! – строже добавила мать, и в голосе её зазвенел лёд.

Мальчик сполз с лавки и ушёл в уголок к Белке грызть орехи. Осне тяжело вздохнула, собираясь с мыслями.

– Прости, матушка, – пролепетала покорно Велга. – Я всё поняла. Буду носить височные кольца.

– Твой отец делает всё, чтобы вы с Константином имели счастливое будущее. – Светлые, с зелёными крапинками глаза матери светились ярче, чем камень в её венце. – Но ты не должна забывать, откуда родом. Так положено: женщины носят знаки своей семьи. И все на севере увидят, что ты Буриной.

– Я же возьму имя мужа, – она опустила взгляд на височные кольца в своих руках, провела пальцами по волнам и ветвям.

– Но все будут помнить, что ты – дочь Буриной, первого князя Старгорода.

– А смысл? Сейчас мы никто...

– Не смей так говорить. Никогда. Кто бы ни правил в Старгороде, сути это не меняет. Мы, Буриной...

– Мама, ты же не Буриной. Ты с севера, – перебил её Кастусь, щёлкая скорлупу.

Рядом с ним сидела наглая Белка, ожидая, когда ей перепадёт угощение. Самой чистить орехи ей было лень. Мартышка взволнованно дёргала лапками и с трудом сдерживалась, чтобы не утащить ядрышко. Она была чудесно воспитана. Возможно, куда лучше, чем Кастусь.

Мать наблюдала за обоими, нежно улыбаясь.

– Я родила четверых Буриновых, Константин, – сказала она. – Я имею полное право зваться Буриной.

Велга собиралась убрать кольца в мошну на поясе, но мать её остановила:

– Надень сейчас. Гордись, что ты Буриной. Твои предки основали Старгород, ты княжеского рода.

– Правят-то всё равно Белозерские.

– Это не навсегда. – Лёгкая, едва уловимая улыбка, блеск в глазах. О, мать и без княжеского венца выглядела настоящей княгиней.

– Что ты имеешь в виду?

– Надень височные кольца и ступай к отцу. Ему есть что тебе рассказать.

Больше Велга не медлила. Она сняла кольца, подаренные отцом на семнадцатые именины, убрала в мошну и надела новые.

– Как мои волосы, не растрепались? – взволнованно спросила она.

– Прекрасно, – мать поправила ей выбившуюся прядь.

– Спасибо, – Велга вдруг сжала её в объятиях, прижалась к груди.

Велга была в отцовскую родню, совсем невысокая. Рядом с матерью она казалась себе ребёнком.

– Иди, милая. – Мать погладила её по волосам, то ли поправляя непослушные кудри, то ли лаская.

Вниз по ступеням, через клеть прямо в сад – так было быстрее. Слуги расступались, пропуская юную господину. Велга, громко хлопнув дверьми, ворвалась в цветущий сад, и курицы, сбежавшие из курятника, испуганно закудахтали, разбегаясь в стороны.

– Осторожно! – вскрикнул Данила. – Не зашиби куриц, господинца.

– Кто пустил их в сад? – Велга обошла беспокойных птиц стороной. – Им место во дворе, а не в саду.

– Да... я... случайно, – покраснел холоп. – Забыл калитку закрыть.

– Гони их отсюда, – велела Велга и направилась в глубину сада.

Слышно было, как кудахтали куры, разбегаясь от Данилы. Велга захихикала, но не оглянулась. Она намеренно пошла степеннее, с достоинством, как положено знатным девушкам её возраста. Так, чтобы даже случайный прохожий загляделся на неё. Велга знала, что красива, лучше всех девушек в Старгороде. Медово-рыжая, маленькая, ладненькая, точно кошка. Нянюшка говорила, что грудь и попа у неё словно наливные яблочки. Велга знала, как лучше себя показать, умела так посмотреть, так качнуть бёдрами, чтобы от неё уже не могли отвести взгляда.

– Велга! – послышался низкий голос.

На другом конце сада, в месте, где кончался высокий частокол и начинался редкий забор, Велга нашла отца. У его ног крутилась собака по кличке Рыжая, а на траве развалился Инглайв, скренорец, которого прислали сватом, названный брат её жениха.

Они уже исполнили почти все обряды, что положены при сватовстве: и подарками обменялись, и отец со сватом обо всём договорились, и мёд в честь заключения договора распили. В день сватовства Велга хранила строгое молчание, ни слова не произнесла, глаза к полу опускала и краснела, точно маков цвет, почти непритворно. И теперь она впервые смогла разглядеть Инглайва.

– Господинца Велга, – он весело подмигнул, кивнул вместо поклона и с травы встать даже не подумал.

Отец не сдержал улыбки и развёл руками:

– Так хорошо у нас в саду, что лендрман Инглайв не удержался вот, решил отдохнуть.

– Да и вам бы советовал присесть рядом, господин Кажимеж, – щурясь на солнце, предложил гость.

Велга переглянулась с отцом, тот в ответ пожал плечами и смешно пошевелил усами.

– Я бы так и сделала, – сказала Велга, расправляя подол, – если бы не старалась вести себя почтительнее при лендрмане.

Осторожно она опустилась на траву, усыпанную белоснежными лепестками. Над головой качались ветви, и было слышно, как тихо жужжали пчёлы, перелетая с цветка на цветок.

Довольно виляя хвостом, Рыжая тут же легла рядом, положила голову ей на колени, заискивающе заглянула в глаза, мол, чеши. Велга брезгливо погладила собаку по макушке.

– Ты же наполовину скренорка, а не лойтурка, господинца, – сказал Инглайв. – Мы, скренорцы, любим жизнь. Если ты станешь счастливее, посидев на траве в цветущем саду, надо сесть на траву, а не думать о приличиях.

Глаза у него были удивительно голубые, чистые, яркие. В такие глаза можно было бы влюбиться, особенно когда они искрились весельем. Велга задумалась, были ли такие же прекрасные глаза у её жениха.

– И все скренорцы так рассуждают о приличиях? – она склонила голову набок, и из косы её выбилась прядь, упала на плечо.

Она не стала поправлять волосы.

– Те, кто реже бывает в Лойтурии и Империи.

Глазами Велга скользила по наряду Инглайва. Она подметила и скренорский скрамасакс, и императорское кайло на пуговицах.

– А ты бывал в Империи?

Он проследил за её взглядом:

– Это? А, не, по наследству достались.

– У тебя в предках император? – Велга широко распахнула глаза.

– Ох, дочка...

А Инглайв расхохотался. Улыбка у него оказалась белая, красивая. Жалко всё же, что он не был её женихом.

– Я на четверть троутосец, но, конечно, не из императорской семьи. Не могу сказать, что родство с троутосцами хоть как-то помогает в жизни. Разве что кожа у меня смуглее и не обгорает так быстро на солнце.

– Ох да, – искренне вздохнула Велга. – У меня веснушки по всему лицу, и нос вечно облезает...

– Дочка... – Отец по-прежнему топтался рядом и садиться, кажется, не собирался. Велга догадалась: он боялся, что встать у него уже не получится.

Она помнила отца другим. Ещё лет десять назад Кажимеж Буриной был видным мужчиной: живым и подвижным, с тёмными густыми волосами и крепким телом. После рождения Кастуся он резко располнел, точно сам его вынашивал. Волосы отца поредели, а в начале весны, когда пришли вести о гибели старших сыновей, и вовсе поседели. Тогда мать не проронила ни слезинки. Велга не была уверена, что она вообще умела плакать, а батюшка, не скрываясь, несколько дней рыдал без остановки.

А потом всего за месяц он нашёл жениха для Велги и невесту для Константина.

– Хорошо, что ты пришла сама, дочка, – сказал отец. – Мы с лендрманом Инглайвом хотели обсудить кое-что с тобой, о чём в доме лучше не говорить.

Невольно Велга выпрямила спину. Пальцами она сильнее закопалась в шерсть Рыжей. Собака довольно хрюкала, подставляя пузо и бока.

– О чём?

– Дело в том, господица Велга, что мой друг, твой жених Оддбьёрн Раннвайг знатного рода. – Инглайв, напротив, выглядел совершенно спокойным. – Но он не конунг и даже не ярл. Он, как и я, лендрман, знатен и богат.

– Лендрман – это же как боярин? – спросила Велга.

– Почти, да, наверное, это близко к боярину, – согласился Инглайв.

– Мы хотели поговорить с тобой, дочка, – отец подошёл ближе, наклонился, задев ветку. Потревоженная пчела, недовольно жужжа, пролетела прямо над его головой. – Ты поедешь на север, а там беспокойно. Если слышала, – голос отца был мягкий, он точно рассказывал сказку, – сейчас у Рдзении и Ратиславии есть разногласия по поводу торговли. Златоборск не пропускает к нам корабли с Благословенных островов, они перехватывают товары и продают втридорога.

Велга едва сдержалась, чтобы не нахмуриться. Конечно, она знала о торговой войне, о столкновениях на реке, о сожжённых ладьях, о загубленных товарах. Рдзенцы заливали камни в воск, а ратиславцы продавали им поеденный молью шёлк. Рдзенцы везли на юг гнилую древесину и несвежую икру, а ратиславцы в отместку завышали северянам цену на стекло.

С прошлого лета Старгород седмица за седмицей терял всё больше денег и людей. Многие гибли, другие, потеряв доход, уезжали на запад, хотя там не было спасу от духов Нави. Но люди так или иначе гибли: или в Совине от когтей нечисти, или в Старгороде от голода, или на реке, борясь с проклятыми ратиславцами.

Двух старших сыновей Буриной, её родных братьев, весной привезли синими, распухшими, безжалостно изуродованными смертью, после того как они вступили в очередную стычку на реке. Конечно, Велга знала о торговой войне. Все в Старгороде о ней знали. Только о

том и говорили. Но девице её положения, безусловно, не стоило об этом рассуждать. Ей нужно было вышивать, молиться Создателю и сплетничать о хлопцах с подружками.

– Мои братья погибли на реке от рук ратиславцев, – как можно спокойнее произнесла Велга. – Я немного слышала о торговой войне.

– Так вот, этому безобразию пора положить конец, – решительно произнёс Кажимеж. – И это в твоих силах, дочка.

Вдруг Рыжая наострила уши, подняла голову.

И только тогда остальные услышали, как за забором заскрипели колёса. Кто-то ехал по дороге в телеге. Собака вскочила с места и кинулась к забору, нырнула в заросли, тут же скрылась из виду, и с другой стороны послышался задорный лай.

– Кхм, куда это она делась? – недовольно спросил отец.

Инглайв и Велга заговорщически переглянулись, точно знали ответ. Князь Буривой, семена на коротких ногах, поспешил к забору, раздвинул крапиву и осоку.

– Вы смотрите, вот разбойница! – воскликнул он возмущённо. – Подкоп прорыла. Да такую яму! Тут и ты, Велга, пролезешь.

– Неудивительно, – дёрнула плечом девушка. – Давно пора снести забор и поставить новый частокол.

– Да как-то всё... не до того, – отец смущённо покосился на гостя. – У нас тут раньше везде частокол был. Его во время половодья размыло. Старое тут всё, ещё мой дед строил. Надо бы и вправду заменить. А то сколотили забор «на время», а он уже две зимы простоял, хех...

Он постоял ещё немного, выглядывая через щели на улицу.

– Вообще, она оценилась недавно, – произнёс задумчиво отец. – Где только прячет выводок, непонятно.

– Не успели утопить?

– Что? – почти испуганно переспросил отец. – От такой умной собаки топить щенков – грех. Я бы и себе оставил, и друзьям раздарил. Вот Репа, мой друг, очень просил щеночка от нашей Рыжей.

Переваливаясь с боку на бок, он пошагал назад.

Велга пообещала себе, что никогда не располнеет, как отец. Они были слишком похожи: небольшой рост и круглое лицо. Рядом с матерью он и вовсе смотрелся нелепо. Неудивительно, что до свадьбы они не виделись. Согласилась бы мать выйти за коротышку-отца, если бы не влияние его рода, княжеское происхождение да богатство? Осне была высокой, статной, но её род давно потерял земли на севере и перебрался в Снежный. Они нуждались и в деньгах, и в связях, а того и другого у Буривоев было вдоволь.

– Думаю, скоро время обеда, – похлопав себя по бокам, точно гусь крыльями, произнёс отец. – Пойдёмте домой.

Инглайв тут же легко поднялся на ноги, протянул руку Велге, помогая встать. Она неловко задела затылком ветку, и на плечи и волосы ей посыпались лепестки.

– Ох! – Велга попыталась отряхнуться, но Инглайв вдруг сказал:

– Так ещё красивее. Точно снег посреди лета.

И она передумала:

– Догадываюсь, что у вас на севере такое часто случается, да?

Заметив её лукавую улыбку, Инглайв весело расхохотался.

– Умоляю, не верь сказкам, будто мы купаемся в ледяной воде даже в середине лета. Она... прохладная, но не ледяная, – он блеснул кривой улыбкой и добавил: – В ледяной воде мы купаемся зимой.

– О, у нас тоже есть любители, – воодушевлённо поддержал отец. – Я, правда, ни разу не пробовал. Даже смотреть как-то холодно, – он поёжился, хотя в тот день пригревало солнце.

Неспешно, наслаждаясь благоуханием сада и ласковым ветерком, они втроём шли к усадьбе по сочной зелёной траве, усыпанной белыми лепестками.

Скоро их догнала Рыжая.

– Вернулась, разбойница, – усмехнулся отец, потрепав её за ухом. – Собственно, об этом мы и хотели поговорить с тобой, Велга.

– О чём?

– О разбойниках, точнее, о разбое. О том, что творится на реке.

– Север зависит от торговли со Старгородом, – вставил Инглайв. – И нам очень не нравится, что ваша королева сцепилась с ратиславским князем.

Велга крутила головой, переводя взгляд то на одного, то на другого, и едва сдерживалась, чтобы не выдать своё волнение. Кажется, об этом и упомянула мать. Княгиней... Велга станет княгиней...

– Война между Рдзенией и Ратиславией мешает не только нам, – продолжил Инглайв. – Империя и Вольные города тоже недовольны. Товары тормозят на реке или перепродают втридорога. Наши люди проходят на юг только за большую мзду.

– Думаю, скоро вообще перестанут пропускать, – вздохнул отец. – Князь Матеуш что-то готовит.

– По приказу королевы или сам?

– Князь всё делает по приказу королевы. Он её младший брат и правит в Старгороде только благодаря её влиянию.

– А я думал потому, что Белозерские всегда были князьями в Старгороде.

Пронзительные глаза Инглайва сверкнули ехидством, и Велга невольно загляделась на его мужественное лицо. Ни её отец, ни братья вовсе не отличались такой мужской красотой, пусть и были по крови куда благороднее лендрмана с далёких островов.

– Не всегда, – нахмурился отец, надуваясь, точно воробей. – Буриvoi основали Старгород и были первыми князьями.

– Но князьями вы больше не зовётесь.

– Об этом и речь, дорогой гость.

– О княжении? – робко спросила Велга.

Мужчины могли спорить бесконечно, это она давно поняла. И ей, как женщине, стоило бы проявить терпение. Но ждать более казалось невыносимым.

– О, юная госпожица желает стать княжной? – Инглайв наконец снова обратил на неё внимание, и высокомерие на его лице сменилось ехидством, но таким очаровательным, что Велга даже не обиделась. – Не боится ли госпожица бремени власти?

– Госпожица ничего не боится, – вздёрнула нос Велга.

Лендрман раскатисто захохотал:

– Ох, госпожица Велга, не подумай, что я смеюсь над тобой. Мне весело потому, что в Рдзении такая смелость у женщин – редкость. Верно, в тебе говорит северная кровь.

– Почему это? – снова надулся отец. – У нас весьма...

– Отец! – не выдержала Велга. – Так о чём речь? Как я могу стать княжной?

Кажимеж и Инглайв переглянулись, наконец посерьёзнили и вернулись к разговору.

– Твой будущий муж, Оддбьёрн Раннвайг, – наместник в Ниенскансе, – отец говорил с ней как с маленькой, точно сама Велга не знала, кем был её жених. – Но его не совсем устраивает положение. У Оддбьёрна не самое благородное происхождение, зато есть влияние, деньги и верные люди.

– Как и у твоего многоуважаемого отца, – добавил с ухмылкой Инглайв. – И это помимо твоего имени. Всё же Буриvoi – князи по крови, пусть и зваться им так запрещено. Но все и в Старгороде, и на севере помнят, кто такие Буриvoi. Мой названный брат хочет объединить силы с вами.

– Чтобы...

– Закончить эту глупую войну, – помрачнел отец, и Велга догадалась, что он вспомнил своих старших сыновей. Он единственный из семьи видел сыновей, когда их привезли домой. От Мухи Велге удалось узнать, что тела братьев были страшно, до неузнаваемости изуродованы. Матери и детям позволили увидеть их только в закрытых гробах.

– Старгороду мешают чужие распри. Нам они не нужны.

– Поэтому будет лучше, если Старгород и Ниенсканс объединятся, – кивнул Инглайв. – На нашей стороне деньги и сила. Рдзения и Ратиславия ослабли от войн. Они не будут готовы к отпору.

– Так вы хотите воевать с Рдзенией и Ратиславией?

Даже Рыжая почувствовала беспокойство Велги и зарычала, глядя куда-то в глубину сада.

– Напротив, – прошептал отец и наклонился, точно опасаясь, что их услышат, хотя рядом никого не было. – Мы хотим остановить эту войну. Старгород страдает под пятой Ратиславии и Рдзении. Белозерские обещали, что наши земли не затронут ни войны, ни раздоры. Что мы будем в безопасности. Но они только душат нас налогами и тянут наших мужчин на свои войны. Этому пора положить конец.

Брак Велги и наместника Ниенсканса мог закрепить военный союз. Она попыталась поймать взгляд отца, но тот оказался слишком глубоко погружён в свои мысли.

– Поэтому, госпожица Велга, вся надежда на твоё очарование.

– То есть? – в груди её родилось возмущение.

Разве не должен северянин с непроизносимым именем быть счастлив просто потому, что такая девушка, как она, выйдет за него замуж?

– Ты, дочка, станешь мостиком между нашими народами. И новой... не княгиней, но как это у вас...

– Женой ярла, – подсказал Инглайв.

– У скренорцев нет слова для княгини, – пояснила Велга. Мать учила её родному языку и обычаям. Пусть теперь и казалось, что знала она слишком мало, чтобы навсегда уехать на север. – Да, у них есть только «жена ярла».

– Ну... – вздох отца вышел слишком разочарованным. – Тоже неплохо.

Но всё же княгиней ей не стать. Лишь чьей-то женой. И потому, пусть она и была всего лишь женщиной, полное, точно налитое яблоко, ощущение счастья треснуло.

А мужчины, довольные договором, пошли к дворцу.

Велга почувствовала, как что-то упало к её ногам, и остановилась.

– Что случилось? – спросил Инглайв.

– О, моё височное кольцо. – Она увидела подарок матери в траве, присела, чтобы поднять, как вдруг краем глаза заметила за деревьями мелькнувшую тень. Верно, кто-то из слуг отлынивал от работы, прохладаясь в саду.

И без всякой причины острый, точно клинок, холод пронзил насквозь и кожа покрылась мурашками.

– Велга, ты идёшь? – нетерпеливо позвал отец.

– Да-да, – растеряннотозвалась она.

Рыжая прижалась к ногам Велги, всматриваясь в глубь сада. Шерсть у неё встала дыбом на загривке.

Колыхались белые тяжёлые от цветов ветви яблонь, ласкал кожу тёплый ветерок, но Велге казалось, будто она смотрела напрямик в глубокую сырую могилу, и оттуда в ответ ей...

– Велга!

Она поспешно спрятала височное кольцо в мошну и побежала к дому. И впервые родной, знакомый сад показался чужим. Впервые захотелось поскорее уйти из него. Рыжая бросилась за Велгой. Они нагнали остальных уже у самого дворца.

Рядом с северянином и отец, и сама Велга казались крошечными. Каково будет ей на севере среди этих великанов? Они, верно, затопчут её. Впрочем, будущий муж Велги правил городом, и, сидя на престоле подле него, жена будущего ярла Велга будет смотреть на подданных сверху вниз.

– Ну что, дочка, пора справлять свадьбу?

* * *

Из-под тончайшего, расшитого цветами плата непросто было разглядеть гостей. Руки Велги вспотели и щёки вспыхнули жаром, когда Инглайв взял её руку в свою. Скренорцу должно было быть неприятно касаться её влажной от волнения ладони. Она не видела лица Инглайва. Он крепко переплёл их пальцы.

У Велги перехватило дыхание, она едва устояла на месте, когда подошёл отец.

– Да озарит Создатель ваш путь! – приветствовал он громогласно.

Пиршественный зал задрожал от рёва дружных голосов, и Велга повторила слова вместе с ними, едва слышно, и голос её потонул в шуме. Не было ни Пресветлого Брата, ни других молитв, даже в храм они не поехали, обряд проводили, не отходя от пиршественного стола, среди родных и друзей, в стенах усадьбы Буриноев. По заветам предков.

Раздался отцовский кашель. Он явно волновался не меньше дочери:

– Перед Создателем и перед людьми стоят Оддбьёрн Раннвайг...

Велга невольно повернула голову к Инглайву, но не смогла разглядеть. Его лицо прикрыли чёрным платом. Настоящий жених Велги находился далеко на севере, в проклятом некогда городе Ниенскансе, и не мог бросить дела, чтобы приехать и справить обряд в Старгороде. Но обычаи требовали, чтобы Велга вышла замуж, прежде чем навсегда покинет родителей, и потому её венчали не с женихом, а с тем, кто им назывался не в храме, а в пиршественном зале, не Пресветлый Брат, а собственный отец. Так требовали обычаи.

Потому и невесте, и жениху закрыли лица: чтобы ни человек, ни дух, ни святой не заподозрил подмены.

В левой руке Велга держала свечу и сквозь плат едва различала огонёк. Правой рукой она переплела пальцы с пальцами Инглайва, и их запястья обвязали, а хирдман из дружины северян пролил горилку в миску под их руками. Капли брызнули на запястье Велги, и она вздрогнула, точно от кипятка.

– Эх, жаль не мне, – нарочито громко вздохнул Инглайв из-под плата.

– Тебе ещё налью, дорогой гость, – прокрихтел отец.

– Так что мне горилка? Не упиться. Я про невесту. Такая красавица у тебя, князь.

Заиграл дударь на своей дуде, и весёлая песенка зазвучала на весь зал, её подхватили волынка и свирель.

Велга вспыхнула ещё стыдливее, а Инглайв повёл её вдоль стены, кругом вокруг стола. Он шёл впереди, держа свечу в левой руке, а правой был по-прежнему обвязан с Велгой. Обоим нельзя было открывать лица, и они то и дело спотыкались о лавки, отчего каждый раз гости громко хохотали и притоптывали, желая пуститься в пляс. И Велге тоже захотелось танцевать.

В ушах звенели височные кольца. То звонко, то тихо, то весело, то жалобно. И сердце Велги так же стучало, то замирая от счастья, то разрываясь от тоски.

Шаг за шагом. Рука в руке. И впереди высокий, статный Инглайв. Каким был настоящий жених Велги? Были ли у него такие же яркие голубые глаза? Многие северяне могли похвастаться яркими, точно ледяные озёра, глазами. Но что до Оддбьёрна Раннвайга? Как выглядит он?

Шаг, ещё один. Велга крепче вцепилась в большую руку свата. Была ли такая же большая, сильная ладонь у её мужа? Была ли она так же горяча?

Гости хлопали, притоптывали в такт дуде, и Велге тоже не терпелось станцевать с подружками, а может, с Инглайвом. Ей так понравилось чувствовать свою крохотную тонкую ручку в его большой руке.

Сквозь паутинку вышивки платка показалось бледное лицо матери. Она улыбалась довольно, горделиво. Но гордилась ли она взрослой красавицей-дочерью? Или же богатым влиятельным женихом да удачной сделкой? За подол госпожи Осне хватался Кастусь. Он скорчил вредное лицо при виде сестры и кинул в неё куриную косточку. Велга увернулась и чуть не упала, Инглайв обернулся, едва успел обхватить её за талию, придержать. Но свеча выскользнула из его левой руки. Упала на пол и потухла.

Затих вдруг дударь.

– А-ах! – запричитали женщины, кто-то осенил себя священным знаменем, кто-то поплевал через левое плечо. Мужики застучали по дереву.

А Велга застыла, глядя туда, куда укатилась потухшая свеча.

– Помогите мне, красавица, – попросил низким голосом Инглайв, и они вдвоём осторожно опустились на колени.

Он нащупал на дощатом полу свечу, снова зажёг её о свечу Велги.

– Слава Создателю! – громко воскликнула мать, захлопала в ладоши, и неуверенно снова заиграл дударь.

Но не скоро веселье вернулось в его песню.

Казалось, обошлось, не случилось ничего страшного, но, когда они завершили круг, а Инглайв сбросил с себя тёмный плат и осторожно приподнял лёгкий платок Велги, она была бледна как полотно. Её испуг не скрылся от глаз скренорца. Он наклонился к самому её лицу, заглянул в глаза.

– Не грусти, красавица, – попросил он.

Ещё несколько шагов назад сердце её затрепетало бы от этого взгляда, но теперь не вызвало никаких чувств.

Потухшая свеча – дурной знак. Создатель дал понять: в браке этом ей не быть счастливой. Она зачахнет, потухнет, как свеча в руках Инглайва.

Молча Велга протянула свечу матери, и та поставила её на стол рядом со свечой жениха.

– Всё хорошо, родная, – госпожа Осне приобняла дочь за плечи и проводила к креслу во главе стола, рядом с женихом. – Не грусти, повеселись сегодня. Завтра тебе предстоит долгий путь.

И Велга изо всех сил старалась веселиться.

Скоро никто уже не желал сидеть за столом. Гости танцевали на липком от пролитого вина и медовухи полу, а Велга с завистью наблюдала за ними со своего места. Она теперь – жена, и ей не положено так высоко поднимать ноги в танце, непристойно подпрыгивать и кружиться, задирая подол, и радостно визжать.

– Что, княжна, не по нраву тебе замужняя жизнь? – усмехнулся Инглайв.

Он сидел рядом, почти не ел и не пил, смотрел по сторонам со скучающим видом.

– Вовсе нет, лендрман Инглайв, мне, напротив, очень радостно и ве...

Она поймала его насмешливый взгляд и, не сдержавшись, закатила глаза:

– Почему свадьба – моя, а веселиться положено всем, кроме меня?

– Увы, такова доля всех, кто у власти, – он придвинулся и добавил шёпотом: – Когда станешь женой ярла, поводов радоваться станет ещё меньше.

– Что? – пусть в зале было жарко, Велга вдруг побледнела.

– У правителей всегда слишком много соперников. Тебе ли не знать, не княжна? – пожал плечами Инглайв и откусил белыми зубами от кабаньей ноги. – Когда-то Буривои были кня-

зьями. А что с вашим родом теперь? Вы даже назваться князьями боитесь, ведь стоит вам заикнуться о былой власти, и всех, даже твоего брата, казнят.

Велга невольно взглянула на Кастуся, жадно уплетавшего пирог. Он перепачкался, словно поросёнок, и уворачивался от нянюшки, пытавшейся вытереть ему лицо.

– Слышала же, что сделали с нашей Гутрун ратиславцы?

От одного упоминания ратиславской княгини стало не по себе. К чему её упоминать? Она уже не одну зиму лежала в земле.

– Великая была женщина. Наша, северянка. Да, вышла замуж за ратиславского князя. Спасла государство от войны, удержала власть, когда княжества взбунтовались. И что с ней стало?

Велга прекрасно знала, что случилось с княгиней Гутрун, но говорить об этом не желала. Это были дела ратиславцев. А Старгород ещё до рождения Велги отделился от Ратиславии и поклялся в верности Рдзени.

– Этот шелудивый пёс, незаконнорождённый ублюдок Вячеслав убил её и всех её детей ради княжения. Он не имеет права на престол.

Пальцы Велги вцепились в подлокотники кресла. К чему этот разговор? Но Инглайв распалялся всё больше:

– А у нас на севере народ жёсткий и решает всё тоже жёстко, но справедливо. Но я желаю тебе удачи, прекрасная Велга. Раз мы друзья... мы же друзья, Велга?

Она ошарашенно закивала, точно заворожённая.

– Тогда я позабочусь о тебе, мой дружок, – пообещал Инглайв и наклонился ещё ближе. От него пахло вином, мясом и потом. И это больше не было ни возбуждающе, ни приятно. – Мне бы не хотелось, чтобы такая красавица погибла.

И снова бросило в жар от его пронзительного взгляда. Но жар этот не был будоражащим.

– Я не погибну, – нерешительно проговорила Велга.

Голубые глаза сверлили её насквозь.

– Мне... душно...

Она подскочила с места, протиснулась сквозь толпу. Один из скренорцев попытался приобнять её, но заглянул в лицо, узнал и испуганно вскинул руки вверх:

– О, прости, господица... госпожа!

Велга остановилась у распахнутого окна, высунулась по пояс, охлаждая горящие щёки.

– Тебе стоит выпить немного вина, родная, – раздался голос матери.

Она встала рядом, упёрлась локтями о подоконник. В руке её был большой кубок. Велга приняла его, сделала глоток. От сладости вина вязало во рту. От терпкого запаха закружилась голова, и она поспешно сделала ещё глоток и ещё.

Мать усмехнулась:

– Если бы ты знала, как я завидую тебе.

– Мне?

– Ты едешь на север...

– Я еду в Проклятый...

– Тсс, родная, – Осне приложила палец к губам. – Не обижай наших гостей. Они не называют так свой город. Он теперь Ниенсканс.

Она покрутила кольцо на тонком пальце. Длинные рукава с вышитыми волнами прикрыли тонкие запястья. Как страстно Велга желала иметь такие же изящные тонкие запястья, белые, точно из снега вылепленные. Но кожу её усыпали тысячи и тысячи мелких веснушек, расцветавших ещё ярче с наступлением весны.

– Уверена, ты полюбишь север. Он у тебя в крови. К тому же, – она обернулась в сторону Инглайва, – эти люди сделают тебя княгиней. Только наберись терпения.

– Не княгиней, – она поджала губы. – Женой ярла.

– И?

– Это не одно и то же.

– Не вижу разницы, – пожала плечами матушка. – Ты женщина. И редкой женщине посчастливится стать женой ярла.

Она говорила с ней как с ребёнком. Велге захотелось уйти подальше. Как можно дальше. На самый север. Хотя в Проклятый город.

– Говорят, – ещё глоток вина и ещё, – что княгинь чаще убивают. Княгиня Гутрун, она же правила в Златоборске, так?

– Во всей Ратиславии, – поправила мать. – Вернее, правил её сын, но Гутрун долго заменяла его на престоле. Она была северянкой, как я.

– И её убили. Теперь в Златоборске Вячеслав Окаянный. Он же убил её, жену собственного брата, а вместе с ней и собственного племянника...

– К чему такие разговоры в день твоей свадьбы, родная?

– Да к тому, что... – кубок в руках дрогнул, и вино перелилось через край куда-то в темноту. – Что я... не хочу...

– Ох, родная, не стоило давать тебе вина, – мать обняла её за плечи и отвела от окна. – Сядь и поешь. И помалкивай, ради Создателя. Ты не можешь пока уйти, и рыдать ты тоже не можешь.

– Но...

– Терпи, – строго потребовала мать.

Слева от Велги по-прежнему сидел Инглайв, справа – подвыпивший и оттого не в меру болтливый отец, а из-под стола высовывала морду Рыжая и с любопытством исследовала всё, что ели люди, надеялась, что и ей перепадёт лакомый кусок.

Слушаясь наставления матери, Велга взяла пирожок, но от расстройства и его не смогла в руках удержать. Пирожок улетел под стол и тут же исчез в пасти Рыжей.

– Ох, глупая псина! – в отчаянной злобе воскликнула Велга. – Оте-ец, – проныла она, – я устала и хочу уйти.

Отец не расслышал её просьбы. Он приобнял своего старого товарища Гюргия Большую Репу. Вдвоём они много лет уже отправляли торговые ладьи по всему свету и успешно преумножали свои богатства. Если и был в Старгороде купец успешнее Кажимежа, так это был Репа.

– Вот тут у меня будут родненькие, – Репа покраснел от выпитого и стал больше походить на редис. – Вот так мы прижмём этих рдзенцев, – он потряс кулаком.

– Потихе, Гюргий, – хмыкнул отец.

– А чего тише? Чего?! – распалился Репа. – Все устали от их беспредела. Мы-то думали, вернёмся под рдзенскую корону, заживём. А они все годы кровь из нас пьют. И всё им мало-о, – купец слегка стукнул по столу кулаком, и Кажимеж поспешил убрать подальше от него налитый до краёв кубок.

– Обязательно всё будет, – примирительно сказал он. – Только успокойся. Не кипятись.

– Пора домой, – замотал головой Гюргий. – В Ратиславию. Князья нас так не мучили.

– Помнится, ты двадцать пять зим назад по-другому говорил, – усмехнулся отец.

– Был молод и глуп, – помотал головой Репа.

Велга закатила глаза от скуки и откинулась на спинку кресла, пока мать не видела и не могла поругать её за это. Инглайв сидел словно жердь проглотил. Лицо его окаменело. И глаз – ледяных, горящих яростью глаз – он не отводил от отца.

– Князь Вячеслав умеет с людьми договориться, – продолжал Репа и с каждым словом говорил всё громче. – Чародеи и те ему служат. А Венцеслава что? Только режет, режет. Чародеев – на костры. Неугодных – на костры. И повсюду её Тихая стража. Тьфу, – он закрыл лицо ладонями. – Невозможно. Сколько крови пролилось. А ей всё мало. Теперь, говорит, на

реке встаньте, не пускайте ратиславцев. А гибнет-то кто? Мы, старгородцы, гибнем. Королевишна-то в замке в Твердове сидит, только псов своих из стражи посылает.

– Тише, – похлопал его по спине отец. – Тише.

– Что тише? Что тише-то?! – повторил Репа.

И теперь уже все в пиршественном зале притихли, прислушались. И слышно стало, как Рыжая громко чавкала под столом.

– Наши сыновья в реке тонут, пока королева Венцеслава, – Репа вскинул руки и похлопал ими, точно крыльями, – эта грёбаная Белая Лебёдушка в войну играет. Денег ей больше хочется. Тьфу! Бабы... у власти. Тьфу! – снова сплюнул он. – Вот выдашь Кастуся за дочку князя Вячеслава, вот станет он нашим, старгородским князем... За старгородского князя!

Он схватил кубок, вскочил на ноги и закричал во весь голос:

– За старгородского князя Константина Буривого!

Скренорцы молчали. Молчали старгородцы. И Осне побледнела как полотно. А маленький Кастусь подавился куриной ножкой и вдруг закашлялся.

Велга крутила головой, не в силах понять, о чём шла речь. Кастусь? Князь?

Медленно из-за стола поднялся Инглайв. Он вдруг показался таким высоким, точно закрывал собой всю пиршественную залу.

– За князя Константина Буривого, – он поднял свой кубок. – И будущую жену его, дочь Вячеслава Окаянного...

Он улыбался. Ярко, ослепительно, так, как улыбался Велге весь день. Но она обмерла, не смея пошевелиться. И поняла, что никогда никого не боялась так, как лендрмана Инглайва.

Остальные послушно, нерешительно отпуская тихие поздравления, выпили за князя, имя которого нельзя было произносить в Старгороде уже много столетий под страхом смертной казни. За князя Буривого.

И когда все наконец снова занялись угощениями, и когда снова заиграла волынка, Велга прильнула к плечу отца:

– Батюшка, можно я пойду?

Он чмокнул её в висок:

– Беги, пока мать не видит.

* * *

В саду было тихо, только трава шелестела под ногами. Шаг за шагом, ловко, точно кот, он передвигался между деревьями. В темноте белели цветы, а небо уже горело далеко на востоке. Весной день никак не хотел до конца умирать, и свет брезжил даже глубокой ночью.

Усадьба Буривого, днём гудевшая, как улей, теперь спала. Бестолковая стража вся собралась у главных ворот и слонялась вокруг костра. Лилось вино, щедро подаренное северянами, и никто и не думал обойти дозором сад.

Никто не мог заметить чужака.

Он шёл между яблонями, двигаясь плавно, быстро, неслышно. У дома матушки тоже стояла яблоня. Она была старая, высохшая. Белый однажды предложил её срубить, но матушка отказалась.

И Белый привык искать глазами голые серые ветви той яблони, возвращаясь домой. Он здоровался с ней, как с живой, а череп, насаженный на ветку, кивал в ответ.

В саду Буривоев Белый задержался у деревьев, опустился на колени, касаясь земли, проливая на неё свою кровь. Земля не любила Белого, зато ночь ему благоволила. Матушка рассказала, что он родился в последний месяц зимы, в ночь, когда чародейскую башню Совина поглотили воды озера, а духи Нави вышли на охоту. Может, поэтому они его и любили? Может, поэтому и принимали за своего?

Даже в беспокойных опасных землях на левом берегу Модры, там, где он появился на свет, духи не трогали Белого.

– *Мёр-твый*, – называли они его.

Белый знал, что другие люди редко замечали духов Нави, и это тоже делало его другим. Он не был чародеем, ни одно заклятие ему не давалось, но всё же обереги действительно защищали, а духи и боги всегда принимали дары.

Вот и на этот раз земля вкусила его крови. Она кривилась, корчилась и ворчала, но пила, потому что кровь его была вкусной. Матушка говорила: живой. Всё вокруг матушки было мёртвым, а он – Белый – живым. Пусть выглядел он как мертвец, пусть чувствовал себя внутри пустым, как мертвец, но кровь его была живой. Почему, он не знал. Может, по той же причине, что он родился в ночь начала Охоты.

Но глаза его были не человечески. Блёклые, как у всех лойтурцев, на которых он так походил, эти глаза видели в темноте. Ни один другой Ворон не мог этим похвастаться. Только Белый.

И он слушал яблоневый сад и спящую усадьбу, разглядывал внимательным, цепким взглядом тёмные окна. Днём он успел понаблюдать за домом Буриноев с улицы и из сада. Он хорошо умел скрываться. Белый гулял среди цветущих яблонь, разглядывал князя Кажимежа и его дочь Велгу, северянина-свата и даже того самого мальчишку Константина, и никто не заметил его. Только девчонка, кажется, уловила движение среди деревьев, но не придала тому никакого значения.

Белый мог разделаться с ней ещё днём, но не стал. Это привлекло бы лишнее внимание и заставило стражу стать бдительнее. Нет, сначала стоило позаботиться о мальчишке.

Дверь в прируб оказалась незапертой. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Люди в Старгороде оставались на удивление беззаботными, совсем как деревенские. Белый и сам вырос в деревне, но его родные места отличались от сотен других деревень в Рдзении. Там по ночам люди дрожали от страха, а дети плакали не потому, что их мучили страшные сны. Там водились чудовища, и одним из них был Белый Ворон.

Во дворце Буриноев было тихо, и только откуда-то из клетки доносился громкий храп. Все спали. Пахло вином, пивом и мясом – весь вечер люди Буриноев праздновали помолвку юной госпожи.

В городе тоже обсуждали отъезд Велги. Красавица, богатая наследница, она была завидной невестой, и, верно, немало местных женихов теперь кусали себе локти, упустив её приданое. Но никто и словом не обмолвился о маленьком Константине. Буриной был хитёр. Он знал, что не получится скрыть большой обоз, с которым невеста уезжала к жениху, потому вместе с ним отправлял и сына. Пусть люди думали, что из города уезжала одна только Велга. К тому времени, когда стало бы известно о помолвке сына Буриноев и дочери ратиславского князя, мальчишка бы уже оказался в безопасности в Златоборске, а ратиславские войска под стенами Старгорода.

Но не будет жениха – не будет и помолвки. Не будет союза – и не вернуть никогда Буриноев княжескую власть.

Весь дворец спал крепко, беззаботно. Никто не знал, что внутрь пробралось чудовище. Никто не ждал его. И Белый крался бесшумно, быстро и ловко, не теряя времени.

В сенях Белый задержался, вспоминая, в какой стороне находилась ложница наследника. Дворец Буриноев был построен ещё во времена ратиславских князей и делился по их обычаю на мужскую и женскую половины.

В правой – женские покои. В левой – мужские. Белый огляделся, запоминая повороты и двери. С красавицей Велгой он увидится позже.

Неслышно ступая, он повернул налево. Внизу на лестнице скрипнула половица. Он замер, прислушался. Кто это был? Припозднившийся слуга? Бдительный гридень? Белый слу-

шал долго, терпеливо, подготовив свой любимый нож. Кованая чешуя на рукояти знакомо холодила ладонь. Он точно помнил, сколько там чешуек: шестьдесят три. Нож подарила матушка, когда он был ещё совсем ребёнком, задолго до того, как он пролил первую кровь.

Она говорила, что Белый родился из воды холодным, словно рыба. И этот нож оказался ему под стать. Из всех своих детских игрушек Белый любил нож больше всего, а после научился орудовать им ловко и быстро. И всегда был готов пролить с его помощью новую кровь.

Больше ничто не нарушило тишину. Ни звука. И Белый пошёл дальше.

До самого заката он наблюдал за усадьбой, запоминал расположение окон и спален. Третье окно слева – ложница маленького наследника, Константина, последнего не князя Буривого. Мальчишке было всего девять. Ещё слишком мало, чтобы свататься, но других сыновей у Кажимежа Буривого не осталось, и потому он спешил. Но опоздал. Кто-то заплатил слишком хорошо, чтобы Буриовой никогда не вернули себе власть в Старгороде.

Белый опустился на колени перед дверью, прикрыл нос и рот платком, завязал его на затылке и достал из кармана в поясной сумке бутылёк. Стоило быть осторожным. Он задержал дыхание, открыв пробку, высыпал порошок тонкой линией под самым порогом и помахал рукой, чтобы запах скорее проник через щель под дверью в комнату.

У князей и бояр было принято, чтобы рабы спали прямо на пороге и сторожили господ. Так никто не мог проникнуть внутрь, не толкнув дверью холопа.

Плотно закрыв бутылёк, Белый спрятал его обратно в карман и отошёл на несколько шагов, подождал.

Старый большой дворец едва слышно поскрипывал, будто дышал во сне. Шумели летучие мыши на чердаке. Сверчок тянул свою унылую песню где-то за стеной. Белому нравилась его работа. Она обычно была тихая, спокойная. Он всегда приходил по ночам. Это Грач любил шум, крики, вопли. Брату слишком нравился страх. Белый, как и все мертвецы, предпочитал покой.

Держа наготове нож, он тихо приоткрыл дверь. На пороге и вправду лежал мужчина. Темноволосый. Здоровый, точно медведь. Такого бы в поле отправить пахать, а не в дом прислуживать мальчишке. Заснул мужчина на боку, неловко скорчившись на постеленном тюфяке и прикрывшись одеялом. Белый не стал зря его трогать, опасаясь разбудить. На такого здоровяка порошок мог слабо подействовать. Он проткнул шею сбоку, под кадыком, чтобы задеть нерв. Сердце раба остановилось быстро. Он даже не проснулся.

Белый вытер лезвие об одежду убитого. Он не любил грязь. Перешагнуть здоровяка было сложно, он занимал собой всё пространство. Неловко соскользнула нога. Белый схватился рукой за стену. Что-то глухо стукнуло.

Но никто, кажется, этого больше не услышал.

Дверь в ложницу мальчика была приоткрыта. Окно распахнуто. А постель пуста. Белый застыл на пороге. Глаза забегали по углам. Где мальчишка?

Куда он мог деться? Спрятался под кроватью? Белый заглянул туда. В сундук? Его тоже проверил. Под лавкой не спрятаться, под столом тоже. Белый больше не скрывался. Он зажёл свечу, осмотрел все покои. Мёртвый раб. Больше никого.

И куда делся мальчишка?

Дети часто боялись спать одни, а это его последняя ночь дома... Что, если...

Белый потушил свечу, вышел из покоев. Вряд ли мальчик бросился бы за утешением к отцу. До пяти лет дети спят в покоях матери. Но Константин старше. Стоило проверить женскую половину.

Быстрее, уже помня повороты, Белый поспешил назад в сени.

* * *

– Доброй ночи, родная, – мать коснулась губами лба Велги.
Девушка задержала её руку в своих, поцеловала каждый пальчик.

– Я буду скучать.

– Я тоже.

Огонёк свечи дрожал, отчего по стенам ложницы плясали тени. Тёплый свет делал черты лица матери мягче, а улыбку приветливее.

– Ма-ам, – протянул от двери Кастусь. – Пошли.

Он отнимал мать у Велги даже теперь. Даже в миг прощания. Обида клокотала внутри, и сдержать её уже было невозможно.

– Ты ещё вернёшься домой, когда станешь князем! – воскликнула Велга. – А я уезжаю навсегда.

Брат насупился, прижимая к себе мартышку. Белка обнимала его лапами за шею. Все, даже глупая мартышка, любили Кастуся больше, чем Велгу, хотя он был плаксивым, бестолковым и избалованным.

– Родная, ты уже взрослая, а он совсем ребёнок. Ему куда страшнее покидать дом, – мать погладила Велгу по голове, а она вцепилась в её ладонь, не желая отпускать, и Осне пришлось отнять руку силой.

– Мне тоже... – Велга сдержала слёзы и обидные слова.

Она была взрослой девушкой. Скоро ей должны были заплести две косы и уложить под плат. Скоро она должна была стать женой, затем матерью, и тогда ей пришлось бы возиться с такими же плаксивыми, глупыми детьми, как Кастусь.

«Ох, надеюсь, мои дети ни капли не будут похожи на этого дурака».

Старшие братья были умными, смелыми, красивыми. Из всех хлопцев в Старгороде они считались самыми видными. Как жаль, что именно их забрали бурные воды Вышни. Почему не Кастусь утонул? Почему не он?

Мать и брат ушли.

Велга помедлила, глядя на закрытую дверь, не выдержала, на цыпочках прокралась к покоям матери и уже потянулась к двери рукой, когда услышала отцовский голос:

– Никак тебе не угодить...

Раздались его тяжёлые шаги. Он ходил из угла в угол, и Велга ясно представила его озабоченное лицо.

– Что ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты не торговал жизнями моих детей, – сердито процедила мать.

Велга с трудом узнала её голос, таким несдержанным и раздражённым он был.

– Я уже потеряла двух сыновей. Ради чего они погибли, Кажимеж? Ради платков да ковров? Да чтоб им всем в реке сгинуть.

– Родная моя...

– Убери от меня руки, – послышался шлепок. – Ты мог найти Велге жениха, который защитит её от всех бед, ты мог уберечь Кастуся, а ты... Я не сказала Велге, чтобы её не тревожить. Но тебе всё скажу. Ты торгуешь жизнями детей, как платками на ярмарке.

– Я как раз делаю всё, родимая, чтобы никто и никогда не посмел причинить им вред. Чтобы не над ними властвовали, а они надо всеми...

– Князя чаще разбойников теряют свои головы, старый ты дурак.

Хлопнула дверь. Верно, мать из горницы ушла в спальню. Слышно стало, как тяжело и горько вздохнул отец и медленно прошёл к двери. Велга со всех ног кинулась обратно в свои покои. Сердце громко стучало в груди, босые ноги почти не касались деревянного пола.

– Сладость моя, ты же застудишься. Зачем босиком бегаешь? – встретила её обеспокоенная нянюшка. – Ложись скорее в постельку, согрейся. А я тебя укурую потеплее.

Она расцеловала Велге ручки, укутала ножки, вытерла платочком слёзки.

– Украшения надо снять, пряничная моя.

– Оставь височные кольца. Они... Буриноев, – жалобно попросила Велга, и на этот раз нянюшка спорить не стала.

– Дорогая моя, – сказала она, – не печалься. Тебя ждёт красавец-жених, он богатый, щедрый.

Она подоткнула Велге одеяло, но та тут же вылезла из-под него, потянула за ворот. Дышать было нечем. В ушах звенели височные кольца, и всё слышался разговор родителей: злой, грубый, слишком честный. Никогда при детях они не общались между собой так. Мать слова дурного не смела произнести, а оказалось, что за закрытыми дверями они грызлись точно кошка с собакой.

– Откуда ты можешь знать про моего жениха? Вдруг он жадный и страшный?

– Твой отец не мог выбрать такого жениха для своей дочери. Господин Кажимеж долго искал подходящего хлопца.

Нянюшка поставила свечу у золотого сола в углу, зашептала слова молитвы.

– Попроси утешения у Создателя, душа моя, – позвала нянюшка.

– Я уже молилась сегодня, – отмахнулась Велга.

Наконец потухла свеча, и ложница погрузилась во тьму.

Велга откинулась на мягкие подушки, вытерла мокрые от слёз щёки. Темнота окружала со всех сторон, она заставляла чувствовать острее, ярче, и только голос нянюшки убаюкивал печаль.

Громко шаркая, нянюшка дошла до своей лавки.

– С того самого дня, как ты родилась, Велгушка, князь Кажимеж искал достойного тебя жениха. Он сразу сказал, что это будет не старгородец. Поэтому и имя тебе дали не нашенское, северное. Так и сказал, прямо при мне, когда я впервые взяла тебя на ручки: быть моей дочери ключом к северу.

– Почему? – солёные от слёз губы едва пошевелились, но слух у нянюшки был острый, она и мышь за стеной могла почуять.

– Потому что ты единственная дочь среди всех сыновей, отцовская радость. В тебе течёт кровь Буриноев. Женщины нашего рода, – нянюшка тоже была Буриной по какой-то очень дальней ветви, – дали жизнь славным князьям, конунгам, королям. Это древняя кровь, сильная кровь. Не верь бахвальству Белозерских, будто они первые князья в Старгороде. Не было ещё никакого Старгорода, когда сюда пришли наши предки. Был город на берегу, и основал его первый Буриной. Это потом уже появились Белозерские и захватили всё. Но их земля не принимает. Они чужаки, даже ступить в Старгород не смеют. Где королева Венцеслава? Где её дети? Все в Твердове. Сюда и не суются.

– Матеуш Белозерский тут...

– Тьфу на проклятого уродца. Ему, видать, сама Аберу-Окиа не страшна. Но другие Белозерские сюда нос не кажут.

– И всё-таки народ их любит. – Рёбра сжимали сердце так тесно, что больно было дышать. Велга не выдержала, поднялась на постели, ступила босыми ногами на пол.

– Зачем опять встала? – встрепенулась нянюшка.

– Душно.

Распахнув ставни, Велга облокотилась о подоконник. Свежий ночной воздух охладил лицо. Растущий месяц подмигивал сверху и тускло освещал серый в сумерках сад. Нечто светлое мелькнуло среди деревьев. Велга пригляделась, но больше ничего и не заметила. Верно, то белые цветы яблонь опали.

– Так что, красавица моя, не печалься, слёзы красоту портят, – продолжила тем же баюкающим голосом Бажена. – Твой брат поживёт несколько лет у ратиславского князя, возмужает и женится на княжне. И тогда он вернётся сюда уже править, сядет княжить, а князь Вячеслав ему в этом поможет. И твой муж, если ты будешь мудра и научишь его, как правильно, пришлёт людей на подмогу, а после и его господин Кажимеж посадит править. И будет наш Кастусь княжить в Старгороде, а ты с мужем в Мёртвом городе...

– Не называй его так, – поёжилась Велга то ли от прохладного ветра, то ли от воспоминаний о страшных сказках, что сказывали о городе её мужа. – Он давно уже называется Ниенсканс.

– Мудрёное больно название.

– Это скренорское.

– Ох, как я там буду? – вздохнула неожиданно плаксиво Бажена. – Я-то по-ихнему говорить не обучена.

– Я тебе помогу, – заверила Велга.

Она старалась говорить заботливо, но ей стало обидно, что приходилось успокаивать нянюшку. Это ей, Велге, стоило горевать и плакать. Это она нуждалась в ласковых словах и ободрении. В конце концов, это не старой Бажене предстояло рожать детей от скренорца, которого она в глаза не видела.

Тусклый свет месяца освещал кроны яблонь. Пахло сладко, и Велга дышала всей грудью, чтобы потом на холодном берегу вспоминать, как пах родной дом. Нет, конечно, она хотела стать княгиней, хотела править, а этого никак не могло случиться в Старгороде. Пусть она Буриной, но всего лишь женщина. И не княжна.

Со двора, там, где разместились в длинной палате северные гости, доносились весёлые мужские голоса. Для них праздник не закончился. Они пьяно, развязно горланили песни, смеялись и наслаждались затихающим праздником.

Но в саду было тихо. И там, среди белых как снег деревьев, кто-то стоял. Велга обмерла. По позвоночнику пробежал холодок. И в груди появилось необъяснимое липкое чувство.

– Там кто-то есть, – прошептала она.

– Что? – глухо переспросила нянюшка.

– В саду кто-то есть.

– Так гуляют. Праздник какой. Ах, как расстаралась твоя матушка, чтобы весь Старгород знал, каков Кажимеж Буриной.

– Он...

Велга беспомощно оглянулась на нянюшку, но тут же поняла, что бесполезно ей объяснять. Она и сама понять не могла, отчего невыносимое предчувствие чего-то скорого, неминуемого заставило у неё волосы на руках встать дыбом.

От заднего крыльца раздался хриплый рык. Рыжая, не спускаясь со ступеней, вдруг залаяла, и лай резко, дико перерос в вой.

Велга отшатнулась от окна.

– Ох, глупая псина, – разозлилась нянюшка.

Было слышно, как распахнулись ставни внизу и кто-то из слуг накричал на Рыжую. Та заворчала, взвизгнула обиженно и замолкла.

Осторожно Велга снова выглянула из окна. Никого.

– Ты ступаешь в новую жизнь, Велга, – послышался миролюбивый голос нянюшки. – Конечно, тебе страшно и чудится всякое. Не переживай, ложись спать. Это последняя твоя ночь в отчем доме.

На горизонте алел рассвет. Ночь ещё не минула, а солнце уже торопило прогнать Велгу из дома. Она рассердилась, потянула ставни на себя, стремясь скрыться от наступающего дня, когда на подоконник рядом с ней вдруг села чёрная птица.

Велга отпрянула.

– Что это?

– Кра! – воскликнула птица.

– Кажется, это грач, – пробормотала Велга. – Он уже сегодня сажился на подоконник в ложнице матери. Почему он вообще не спит ночью?

– Ох, – нянюшка схватилась за сердце, и в бледном свете месяца было видно её вытянувшееся от испуга лицо. – Дурная это примета, когда грачи прилетают раз за разом. Значит, род обнищает...

– Типун тебе на язык, Бажена! – вспыхнула Велга. – Это всего лишь глупая птица. Пошла прочь! – она замахнулась рукой.

Он не улетел. Не вздрогнул даже. Грач соскочил с подоконника на пол, и тело его вдруг раздулось, побелело. Перья зашуршали. Кости затрещали. Велга замерла, не в силах закричать. Бажена завизжала, бросилась к двери, но не успела добежать. Рукой, точно чернилами запятнанной перьями, дверь перед ней захлопнул обнажённый мужчина. Чёрные спутанные волосы, худощавое жилистое тело. Смуглая медная кожа.

– Не стоит, нянюшка, – мягко попросил он. – Не кричи, если не хочешь, чтобы я сделал тебе и господине больно.

* * *

Ребёнок должен был попасть в покои матери. Где они? Первая дверь? Вторая? Вспоминать.

Белый из сеней свернул на женскую половину. В конце коридора из-за закрытой двери виднелся свет. Там!

Он приготовил нож. Напряглись мышцы. Он продумал каждый удар. Представил, сколько там будет людей, сколько ударов нужно нанести. Кого убрать первым? Мать, ребёнок, рабыня. Одна? Две? Скольких нужно убить? Как быстро получится? Если они закричат, достать девочку будет уже сложнее. Значит, лучше сначала заняться ей и вернуться за мальчишкой.

И Белый прошёл дальше. Дверь была приоткрыта. Внутри никого, дальше ещё одна дверь – в ложницу Велги. Он потянулся к ручке.

– Не кричи, – послышался голос с той стороны, – если не хочешь, чтобы я сделал тебе и господине больно.

Ладонь так и застыла у самой ручки. Пальцы дрогнули. Знакомый голос. Насмешливый, весёлый. Всё для него игра, всё шутка.

Девчонка попискивала тихо, сдавленно. Верно, ей закрыли рот. Старушка, её няня, сдавленно рыдала. Их было трое. Трое. Леший их всех побори!

– Тебе придётся пойти со мной. – За дверью раздались шаги, стукнула крышка сундука. – Не возражаешь, если одолжу одежду? Хех, тесновато, но что поделать? Хороший платочек. Мне идёт, что думаешь? – Грач говорил с привычной ему издёвкой, а у Белого свело зубы.

Грач смеялся над Велгой и её старой няней, а выходило, что над ним, Белым.

– Госпожа, – неслышно выдохнул Белый. – Госпожа, помоги.

Что делал здесь Грач? Почему он пришёл? Почему забрал чужой заказ?

– Не бойся, господине. Просто води себя тихо, и всё будет хорошо. Нужно идти как можно быстрее.

В груди заворочалась ярость, оплетая холодным чешуйчатым хвостом.

– Одевайся, господине Велга, – слышался голос за дверью. – А ты, бабуся, ложись. Не возражаешь, я завяжу тебе рот, чтобы не кричала? Не обижайся, бабуся, но мне не нужно, чтобы кто-то заметил нас с красавицей Велгой. И да, руки с ногами я тоже тебе завяжу. Вот

так, молодец, бабуся. Нам надо уйти по-тихому, госпожица Велга. И ещё захватить по дороге твоего братика. Вот если твоя мать не будет такой сговорчивой и разумной, как бабуся...

Чешуйки на рукояти ножа были шершавыми. Белый поглаживал их, собираясь с мыслями. Грач не убил Велгу сразу. Значит, кто-то нанял его, чтобы вывести наследников Буриной живыми. Нельзя отнимать заказ у одного из Воронов – это прогневает госпожу. Нельзя Ворону обидеть Ворона – это прогневает матушку. Белый не желал гневить ни одну из них. Но и уйти, не выполнив договор, он не мог: на запястье горели два знака, и с каждым днём всё сильнее будут кровоточить раны. И ничто не заживит их, кроме выполненной сделки. Значит, Грач не должен ни о чём узнать.

И Белый медленно попятился, закрыл за собой дверь, посмотрел налево. Свет в покоях госпожи Буриной погас.

* * *

Велга не могла произнести ни звука. Грач одел её, точно куклу, в старый нянюшкин наряд, замотал голову платом. Он и сам оделся в одежду Бажены. Она была ему мала, трещала по швам. Он бы выглядел смешно, если бы не был так ужасен.

Чёрные волосы, смуглая кожа. Тёмные глаза сверкали золотом. Чародей. Оборотень. Бес, истинный бес. Говорили, внутри чародеев жили бесы. Их можно было увидеть, если проткнуть чародея насквозь. Или в глазах. И теперь эти бесовские глаза смотрели прямо на Велгу. И бесы рычали, выли, звали её, а она не могла отвернуться. Стояла не шелохнувшись, прижав руки к груди. Она оглохла и онемела.

Связанная нянюшка тихо хныкала и мычала на постели. Рот ей заткнули. Она пыталась вырваться, помочь, а сама Велга не могла даже пошевелиться, хотя руки и ноги её оставались свободны.

– Пошли, – велел Грач.

Но Велга не поняла сказанного. Слова пролетали мимо, будто не имели никакого смысла.

И Грач сердито зарычал, подхватив её под руки и протащил к двери.

– Отлично. Оставайся такой же тихой и уйдёшь живой.

Живой? Он, кажется, пообещал, что не убьёт её, но голос Грача звучал словно из-под толщи воды, и Велга никак не могла разобрать слов.

У него не было оружия. Чародею оно и не нужно. Лицо он замотал платком, так же замотал лицо Велге, чтобы никто её не узнал.

– Будь умницей и не шуми, – прошептал ей Грач, прижал указательный палец к её губам. – Ты же умница? – он наклонился так близко, что его губы почти коснулись её. Она чувствовала его дыхание на своём лице. – Ты же умница?

Велга закивала, не соображая, какой ей задали вопрос. Если она позовёт на помощь, прибегут гридни отца. Если она позовёт на помощь, успеет ли чародей её проклясть?

Но он сказал... да, он сказал, что не хотел её убивать.

Точно тряпичную куклу, он протащил Велгу к выходу, приоткрыл дверь. Почему никто не проснулся? Почему никто не пришёл на помощь?

От её покоев до материнских невыносимо долго и невыносимо близко. Велга нужна ему живой, Кастусь тоже, а вот мать нет. Он убьёт мать, если та закричит. Он убьёт матушку. Он убьёт...

От стука сердца можно было оглохнуть.

Он убьёт...

Шаг...

В одной руке незнакомца вспыхнули искры, другой он обхватил Велгу за талию.

Она нужна ему живой. Она нужна ему живой.

До ложницы матери осталось всего несколько шагов. Рука, рождающая огненные искры, уже потянулась к ручке двери.

Он убьёт...

Другой рукой Грач погладил Велгу по голове.

– Веди себя тихо, и я тебя не трону, – прошептал он.

Шаг.

– Вот и умница... – он отпустил её руку, потянулся к двери в покои матери.

Убьёт...

– Нет.

Велга бросилась вперёд.

Вниз, по лестнице для слуг. Быстро-быстро. Сверху хлопнула дверь. Грач погнался следом! Нога соскользнула со ступеньки. Велга упала, ударилась задом, вскрикнула, схватилась за поручень, снова вскочила и кинулась дальше. Сверху затопали.

Она толкнула дверь, ворвалась в клеть. Велга хотела закричать, но не смогла. Крик застрял у неё в груди. И она ударила на бегу в закрытую дверь, за которой спали кухонные, пробежала дальше, не смея остановиться. Кто запер дверь в клеть?

Драгоценное время было потеряно, чтобы поднять засов. Велга вырвалась во двор, туда, где горел костёр скренорцев, и споткнулась, чуть не упала прямо в огонь.

Вокруг лежали люди. Повсюду на земле. Не пьяные, не спящие. Мёртвые. Велга сомневалась только мгновение. Она хотела сомневаться. Но у костра стоял Инглайв, а рядом с ним ещё пятеро скренорцев. В повозках лежали шестеро человек, не шевелились. Тоже скренорцы. Их знаки. Их лица. Она видела их на свадьбе. Они улыбались ей. А теперь лежали с распахнутыми ртами, с закрытыми глазами.

– Ты рано, – задумчиво сказал Инглайв, щурясь.

Он разглядывал Велгу сквозь пламя костра, что горел между ними.

Он говорил по-ратиславски так чисто. Слишком чисто для скренорца. У тех на языке звучал металл и холодный северный ветер. У Инглайва речь была ладная. Лёгкая. Мягкая. Так говорили ратиславцы.

Велга попятилась было, но шаги позади её остановили.

– Я... там... на меня напали.

Он покосился на своих товарищей, мотнул головой, произнёс на скренорском:

– Разберитесь.

И двое тут же направились к двери, из которой только что выбежала Велга, обошли своих мёртвых товарищей. Кто их убил?

– Не переживай, господица, с нами ты в безопасности.

– Что здесь случилось? – она оглядела людей Инглайва.

– Среди моих людей оказались предатели. Они замыслили похитить тебя, господица, – голос Инглайва был спокойным, холодным, точно зимний рассвет. – К счастью, я вовремя раскрыл их заговор.

– Похитить меня? Зачем?

– Ты дочь господина Буриной. Разве этого мало?

В доме раздался топот. Крик. Велга дёрнула головой, подпрыгнула на месте. Скренорцы насторожились, обошли костёр стороной.

Медленно, скорчившись, на улице показался Грач. Он был по-прежнему одет в женскую одежду, лицо его скрывал платок. Он сторбился, чтобы показаться меньше.

– Что тебе нужно, бабка? – рассердился Инглайв. – Иди спать, не мешайся.

– Это не... – Велга не успела ничего добавить, встретившись взглядом с Грачом.

Он поманил её рукой, она попятилась от него.

– Пошла прочь, старуха. Видишь, ты пугаешь господицу! – рассердился Инглайв.

Трещал костёр. Сверкали топоры в руках скренорцев, отражая пламя. И вокруг лежали мёртвые. Рослые, крепкие. Велга встречалась с ними не раз в последние дни. Они были весёлые, улыбочивые, любовались невестой своего господина. Они должны были отвезти её на север. И теперь они были мертвы.

Велга крутила головой. Слева чародей. Справа скренорец. И везде смерть.

– Велга, – позвал вкрадчиво Инглайв. – Иди ко мне.

Грач упрямо молчал. Голос выдал бы его, и потому он манил рукой. Слишком смуглой и крупной для старушки.

– Эй, – один из скренорцев обошёл Велгу и направился к чародею. – Ты! Лицо смотреть.

Грач попятился, скренорец схватил его за платок.

– Лицо!

И чародей выкинул руку, с пальцев сорвались искры, полетели прямо в лицо скринорца. Он закричал, уронил топор, закрываясь руками.

– Хи-ить!¹

Грач скинул платок. Он остался в платье нянюшки, закрутился на месте. И искры – золотые искры заклятий полетели с его пальцев.

Велга пригнулась, завизжала. И слышно стало, как в доме поднялся крик.

Она упала на землю. А над её головой засверкал огонь и полетели искры.

– Стой, сука!

Велгу схватили за ворот и, точно кутёнка, протащили мимо костра. Она визжала, вырывалась, но в чужих руках казалась лёгкой, как пушинка. Её встряхнули, вздёрнули вверх.

– Чародей! – закричал Инглайв. – Я перережу ей горло! Слышишь?

Грач взъерошенный, в огромных одеждах нянюшки, в пёстром платке, оскалился. И пламя костра придало его лицу ещё больше уродства. Глаза горели золотом. Бес. Бес.

Велга завывала от ужаса, и Инглайв ударил её по губам.

– Заткнись, сука, – прошипел он, снова встряхивая её за шиворот, приставил нож к её горлу. – А ты, чародей, вали отсюда. Не знаю, что ты на хрен задумал, но лучше не связывайся со мной.

Во дворце нарастал шум.

– Тревога! – раздалось из распахнутого окна. – Тревога! Скренорцы...

И слышно было, как десятки пар ног затопали по тёмным ступеням. Зажглись огни.

От страха трясло. Но помощь уже спешила. К ней спешила. Скорее.

Медленно Грач обходил костёр. Он остановился у скренорца с обожжённым лицом. Тот выхватил нож, замахнулся в слепой ярости.

– Убью, – зарычал он по-скренорски.

И Грач взмахнул руками. Огонь из костра поднялся, точно саван, схватил скренорца за руки и утянул к себе. Тот вырывался, выл, кричал. Но чародей даже не оглянулся. Он не отводил взгляда от Инглайва.

А нож в руке Инглайва дрогнул, и Велга пискнула, когда почувствовала, как остриё коснулось её шеи.

– Это ты, скренорец, – рот Грача растянулся в белозубой улыбке, – лучше отпусти господицу Велгу. Не тронь её.

– С этой сукой я могу делать что пожелаю. Ты мне не указ. Уходи, если хочешь жить. Даже прошу тебе его, – он мотнул головой в сторону сожжённого заживо.

Тот откатился от костра, и головешки разлетелись по земле.

Тёмные глаза чародея бегали из стороны в сторону.

---

¹ Дерьмо (швед.).

Он не решался, гадал, как лучше поступить, когда дверь снова распахнулась и на крыльцо вылетел Данилко. В руках кухонный топорик. Лицо испуганное, как у ребёнка.

– Велга!

А за ним – гридни отца. Они вывалились толпой, и Инглайв с Велгой в руках попятился.

– Тревога! – заорал гридень.

– В бой! – прямо на ухо Велге по-скренорски выкрикнул Инглайв.

И тогда чародей снова вскинул руки. А пламя костра взмыло в воздух, словно птица. И накрыло всё вокруг. Они ослепли от искр, а пламя стреляло, взрывалось, вихрем кружило вокруг.

Велга завизжала. И её вдруг вырвали из рук Инглайва.

– Сюда.

Она споткнулась, упала. Под ней оказался Данила. Он кашлял, изо рта кровь.

– А-а-а!

Велга отпрянула, поползла в сторону по земле. Её схватили снова за волосы, дёрнули. Она даже не успела понять, кто схватил её, как налетел кто-то другой. И Велгу снова отпустили.

Она упала, откатилась в сторону, сжалась в комочек и посмотрела осторожно сквозь пальцы.

Вокруг творился ужас. Пламя, крики. Она видела Данилу, захлёбывавшегося собственной кровью. Она видела скренорцев и гридней, рубивших друг друга. И не узнавала никого.

А рядом, совсем рядом оказалась дверь.

Через неё можно было попасть обратно в дом, к другой лестнице, что вела сразу на мужскую половину. Там был отец. Он мог её защитить: от чародея, от скренорцев, ото всех, кто потерял разум в эту ночь.

И она бросилась внутрь, дальше наверх по ступеням. На мужской стороне горел свет.

– Отец! – распахнув дверь, она вдруг поняла, что руки её тоже в крови.

Но там пусто. Одна клеть, другая. Никого. Только холоп, дрожавший в углу.

– Господ-диц-ца, – заикаясь, проговорил он. – Вс-се... там...

Он вскинул руку, ткнул куда-то в стену. Велга обернулась.

И раздался крик – дальше, там, где находились покои матери.

Ей нужно было бежать. Ей нужно было спрятаться. Но Велга кинулась вперёд.

– Отец! – она пыталась позвать на помощь, но не могла вспомнить ни одного слова.

Ничего. Где все слова?

Где все люди?

Внизу, с улицы, раздался дребезг.

Велга споткнулась на ровном месте, упала, поднялась, не раздумывая, не медля. И выглянула в распахнутое окно. Внизу горели огни. Внизу горели конюшни. И крыльцо дворца. И люди. Столько людей.

Кто это начал? Как это вообще произошло?

Хлопнула дверь. Велга взвизгнула, обернулась. Оборотень стоял позади. В женской одежде. Разъярённый. Взлохмаченный.

– Где мальчишка?

Она замотала головой. Он проскочил мимо. Туда, откуда больше не раздавались крики. В груди похолодело. Почему никто не кричал?

Чародей скрылся за поворотом. Но Велга больше не могла бежать. Шатаясь, словно пьяная, она побрела дальше.

Стены дворца кружили вокруг Велги, и она пыталась хвататься за них окровавленными руками, но они ускользали из-под пальцев. В ушах звенело. Или и вправду звенели клинки?

Она снова споткнулась, упала, села на пол, хватаясь за голову. Пахло дурно. Дымом пахло.

Велга попыталась встать, но рукой оперлась о что-то мягкое и взвизгнула.

– Н-нянюшка, – вдруг и она начала заикаться.

Старуха лежала неподвижно. Из распахнутого, точно ларец, горла текла кровь.

Даже закричать не получилось. Вместо крика изо рта вылилась жидкость. Велга утёрла рот, закашлялась, выплёвывая остатки рвоты. Слюна и слёзы потекли по подбородку.

Нянюшка. Данила. Мама...

Сознание вернулось точно по щелчку. И Велга подскочила, снова приходя в себя. В покоех матушки кричали. Туда побежал чародей.

Она пошла быстрее, путаясь в подоле рубахи. Звенели височные кольца в ушах.

– Матушка!

Дверь распахнута. Внутри темно. И у окна двое. Обнявшись.

– Матушка...

Они молчали. Мать – Велга могла узнать её даже в кромешной тьме – медленно осела на пол. Мужчина выпустил её из объятий, отёр нож. Нож.

Лицо его не разглядеть. Ничего не разглядеть. Только матушку. На полу.

– Велга! – её схватили за плечи. Лицо Мухи вырвалось из мрака, и её голос закричал: – Убегай! Они за тобой.

Но Велга не могла сдвинуться с места. И её выпихнули из покоев. К лестнице. Муха распахнула дверь, толкнула Велгу вперёд, и та невольно пробежала на несколько ступеней вниз, как вдруг услышала вскрик. И с грохотом, ломая поручни, ударяясь о балки, вниз, словно огромная птица, пролетела Муха. Она визжала, выла. И – хлоп – замолчала.

А он стоял там, наверху. Всё так же держа нож. Всё так же скрываясь в тени.

Наверху раздался топот, рёв. Кричали на скренорском. С грохотом открылась дверь, и кто-то выскочил на лестницу, занёс топор.

Велга больше не смотрела, она побежала что было силы.

И слышала, как позади нарастал шум, крики, дребезг. И пожар. Весь дворец охватил пожар.

Велга кинулась к кухням, но там заперли двери. И народ внутри кричал, визжал.

– Потушите! Потушите!

Огонь был везде. Он лез сквозь щели отовсюду, он затоплял каждую клеть, каждый угол.

– Велгу! Найдите Велгу! – слышалось на скренорском.

Её искал Инглайв. Он больше не был другом. Никто больше не был другом. Её друзья мертвы.

Велга бросилась прочь от кухонь в другую сторону, в сени, пробежала через них, распахнула следующие двери и отпрянула. В проходных вовсю уже гулял огонь.

Пятясь, она уткнулась спиной в стену, забежала глазами по сторонам. Перед ней – только крохотное оконце под самым потолком. В сенях – сундуки с её вещами. Велга схватилась за ручку одного из них. Неподъёмный. Она распахнула крышку и стала выкидывать вещи одну за другой. Все её платья, все рубахи, все понёвы, все кафтаны – всё полетело на пол.

Наконец, сундук получилось перетащить, и, забравшись на него, Велга смогла дотянуться до окна. Кто другой бы здесь, может, и не пролез, но она была совсем крохотной, протиснулась, оттолкнулась руками и упала на землю.

Она не почувствовала боль, тут же вскочила на ноги и, не размышляя, не медля, побежала через сад прочь от дворца.

Сад полыхал, и тысячи огненных мотыльков витали вокруг цветущих яблонь, пожирали цветы, вгрызались в кору. Сад умирал, и над ним огромным костром возвышался дворец. Он скрипел и стонал, пытаясь устоять. Но вот с рёвом обрушилась крыша, и закричали люди, разбегаясь в стороны.

Велга стояла на другом конце сада, не смея вернуться и не в силах бежать дальше. Её дом умирал. Он разлетался на искры и пепел, что с дымом уносил прочь ветер. И она хотела кинуться назад, к родителям, но знала, что найдёт только их окровавленные тела. Быть может, и их уже не стало? Быть может, их успел забрать огонь?

Всё, всё забрал огонь.

Яблоневый сад из белого раскрашивался в алый и чёрный. Яблоневый сад погибал, а Велга ничего не могла сделать. В глазах рябило от алого и чёрного, а огненный ветер сушил слёзы на щеках, обжигал лицо.

Он показался на другом конце тропинки. Кажется, он не боялся огня, а может, огонь перед ним расступался. Тот, кто был в спальне матушки. Он пришёл за ней – это точно.

Неминуемый, неизбежный. Велга подумала, что больше ей не скрыться. Не от него. Кем бы он ни был. Из всего, что она увидела той ночью, он показался ей самым чудовищным.

И он шёл прямо. К ней.

За спиной его со стоном накренилась башня, она сгорбилась, сложилась и с грохотом рухнула на землю. С улицы донёсся возглас.

Он обернулся, и Велга поняла, что он ранен. Он двигался тяжело, держался за бок. Она наблюдала как заворожённая и не понимала, зачем оставалась на месте, зачем позволяла ему себя увидеть, чего ждала. Он сделал шаг, ещё один и вдруг упал, закрыл голову руками. И сад окружил его и Велгу. И пепел, и искры, и чёрный столб дыма полетели от дворца над деревьями, накрыли, словно волна. Всё заволокло чёрным. Дымом, сажей, пеплом.

Велга закрылась руками, закашляла. Воздух опалил лицо, и белые лепестки полетели по земле под ногами.

Сад цвёл с тех пор, как построили Город, что позже стал Старгородом. Сад пророс корнями в землю, он стал частью этой земли, и многие-многие века Буриной гуляли по нему и вкушали его плоды. А Велга наблюдала последнее его цветение, когда яблони распустились огненными бутонами.

Когда рассеялась тьма, Велга наконец увидела, как человек поднялся на колени и вскинул голову. И только заметив Велгу, он поднялся. И пошёл. Быстро, ловко, как кот, готовившийся напасть намышь.

В стороне закричали на скренорском. Вдоль частокола бежали люди Инглайва. Велга пискнула, нырнула в кусты, царапая руки, прорвалась к частоколу.

С другой стороны залаяла Рыжая. Подкоп. Здесь же был подкоп. Где? Велга упала на колени, поползла и наконец среди крапивы и осоки нашла яму, вырытую собакой, прижалась грудью к земле, подтянулась руками.

Её ладони облизал горячий собачий язык. Велга ногтями вгрызлась в землю. Круглый зад никак не желал пролезать. Она толкалась носками от земли, подтягивала себя руками.

– А-а! – позади раздался крик, зазвенела сталь, завязалась драка.

Кто-то ворвался в заросли. Велга слышала шаги совсем рядом.

Визгливо залаяла Рыжая и заскакала вдоль частокола, поторапливая её. Велга закричала в отчаянии, быстро-быстро перебирая ногами. Позади раздалась хрипы и удары. Кто-то приближался. Лаяла собака. Рычал пожар.

Велга оттолкнулась изо всех сил, наконец протиснулась, но вдруг её схватили за ногу. Велга заверещала, упёрлась другой ногой в забор. Она ползла уже на спине, хваталась за траву, выдирая её с корнями. Из дыры вылезла сильная окровавленная рука, вцепилась ей в лодыжку, дёрнула, и Велгу потянуло назад. Из зарослей выскочила Рыжая, впиалась клыками в руку.

– Хить!

И Велга наконец вырвалась, отползла, вскочила. Лодыжку жгло, словно чужая ладонь до сих пор держала её.

За забором не утихала драка. Как скоро они вспомнят о ней? Велга не желала знать. Она развернулась и побежала вниз к оврагу и дальше, по берегу ручья, перепрыгивая с камня на камень, ловко, как делала сотни раз в детстве. Рыжая бежала за ней прямо по воде, и она плескала весело, звонко, точно насмехаясь над смертью.

Вниз по ручью, к берегам Вышни.

А вокруг, со всех сторон, пробуждая город, зазвенели колокола. И весь Старгород проснулся с вестью: беда. Пожар. Смерть.

И всё дальше от смерти, дальше от огня убегала Велга. По камням, по ручью, по узким потайным тропкам – к реке.

Над Вышней поднимался белый кисельный туман, и в нём Велга скрылась среди зарослей лопухов, осоки и буйно цветущей черёмухи. Там она упала без сил и дрожала от страха и боли. Там она стонала тихо, не пролив ни единой слезинки, так, чтобы её не обнаружили. И там же рядом с ней лежала Рыжая, согревала, прижавшись тёплым боком, лизала руки и лицо. Велга зарылась лицом в её шерсть, и собака терпела, даже когда хозяйка сильно, сжимая кулаки, дёргала за шерсть.

Журчала река, утекая на юг. Шумела черёмуха, а над городом поднимался дым, и колокола в часовнях беспокойно звенели. Ночь прошла, и наступило утро, когда Велга должна была навсегда покинуть Старгород.

Глава 2

*Умер покойник
В среду, во вторник,
Пришли хоронить —
Он на лавочке лежит.*

Русская народная святочная игра

По воде ударило нечто тяжёлое, в стороны разлетелись брызги. Велга прижала голову к земле, скрываясь в зарослях, а Рыжая выскочила из укрытия, пробежала по берегу, прогоняя чужаков визгливым лаем.

— Откуда эта псина? — послышался голос от реки.

— Да леший её знает. Мало ли... шавок...

Велга дождалась, пока незнакомцы уплывут подальше. Вернулась Рыжая, ткнулась мокрым носом ей в ладонь. От собаки пахло тиной и мокрой шерстью. От Велги — гарью, кровью и солью. К горлу подкатил ком.

Вдвоём они выбрались из укрытия. Велга нашла место на берегу, где вода была почище, а заросли реже, умыла руки и лицо, отряхнула одежду.

Куда ей идти?

Во рту было солёно от слёз. Жгло заплаканные глаза. Велга напилась из речки, но её почти сразу же вырвало водой и желчью, и пришлось снова умыться и приводить в порядок одежду.

Она вычистила грязь из-под ногтей и прополоскала подол, пока рядом, забравшись по шее в воду, громко хлебала Рыжая. Она была всем довольна и ещё не понимала, что больше не осталось ни родного дома, где сытно кормили, ни любимых хозяев, что ласково гладили.

Велга долго, упорно мыла руки и лицо, точно это могло как-то помочь. Вода плескалась, журчала, уносила прочь все мысли, пока в голове не стало совсем пусто. А потом на реке показалась ещё одна лодка, за ней другая, следом потянулись на север торговые ладьи, вышли на промысел рыбаки. Наступило утро, и дремавший на холмах город ожил.

Велга отошла от берега и спряталась в зарослях неподалёку. Рыжая, потерянно побродив у воды и полаяв на проплывавших мимо людей, нашла её и легла рядом.

Что делать?

Велга смотрела на свои чистые покрасневшие руки, на грязный подол, с которого стекала вода.

Что ей делать?

Со стороны усадеб до сих пор поднимался чёрный дым. Дом сгорел. И сад, и усадьба, и её ложница, и все-все, кто был внутри: матушка, батюшка, нянюшка, даже дурак Кастусь...

Велга очень хотела снова заплакать, но солнце палило слишком жарко, а Рыжая лизала её руки слишком настойчиво, и нужно было что-то делать. Нужно было куда-то идти, только куда, к кому? За всю жизнь так и не появилось у неё ни подружек, ни друзей. Пусть и не настоящая, а всё же княжна Велга Буриной была самой богатой и миловидной невестой во всём Старгороде, да только друзей ей это не прибавило. Девушки из других родов слишком завидовали, чтобы дружить; парни боялись старших братьев, чтобы заигрывать и звать погулять, а тех, кто честно сватался, мать с отцом отправляли прочь. «Ты, Велга, достойна лучшего». Но теперь у Велги не осталось никого и ничего... Одна-единственная Буриной на всём белом свете. Велга схватилась руками за голову и почувствовала холодный металл. Височные кольца бабушки. Буйные волны, сплетённые корни. Такие же носили все женщины из её рода... даже тётка Далибора.

Конечно, тётка Далибора, сестра её отца. И почему Велга сразу о ней не вспомнила? Она должна была, нет, обязана помочь племяннице и отомстить за родного брата. Конечно, тётка поможет.

Велга вскочила на ноги, одёрнула подол, поправила взъерошенные волосы. Рыжая закрутилась вокруг, точно поддерживая её решение.

Больше Велга не медлила и поспешила вниз по течению реки. Серебрящаяся от росы трава скользила под ногами, ветер обдувал мокрые щёки, и тихо шуршал рогоз. Влажная рубашка липла к коже, холодила ссадины и царапины. И с каждым шагом в голове шумело: *твой дом сгорел. На тебе кровь матери. На тебе кровь отца. Твой род мёртв. Ты одна. Ты мертва. Ты одна.*

Она споткнулась на ровном месте, и Рыжая налетела на неё. Велга впиалась пальцами в шерсть на загривке так сильно, что любая другая собака бы зарычала, а эта стерпела, прижалась к ноге, заглянула в глаза: «не делай мне больно, я люблю тебя». Ореховые глаза блестели точно от слёз, и пусть Рыжая не говорила, пусть была бестолковой брехливой псиной, только она единственная осталась у Велги, единственная утешала. И девушка рухнула на колени, обняла собаку за шею, уткнулась носом в шею. Рыжая пахла тем особым неприятным собачьим запахом да к тому же ещё и тухлой стоячей водой, тиной и рыбой. Велга отодвинулась, посмотрела на неё с недовольством.

– Вот ты чушка, – сказала она и только тогда заметила, как сама измазалась: вся рубашка в пятнах зелени, в грязи, крови, саже.

Велга не могла в таком виде прийти в гости к тёте. Да её бы и за ворота не пустили, приняв за ободранку. Даже идти по городу было стыдно и страшно: вдруг стража примет её за попрошайку или гулящую девку...

Или вдруг её ищут – именно её, Велгу, с растрёпанными волосами, в одной рубашке, в саже и крови, – такую, какой она сбежала из усадьбы? Ведь преследователи видели её. Они выжили. Конечно, её должны были искать. Ведь она Велга Буриной, племянница старгородской княгини.

Нужно было идти.

Впереди на берегу стоял рыбак. Он возился с сетями, вытасканными на берег, а позади него на сучке висела потёртая накидка. Велга споткнулась на ровном месте, Рыжая деловито обогнала её, подбежала к рыбаку, обнюхала его накидку, засунула голову в ведро с плескавшейся рыбёшкой.

– Нельзя, – прошипела Велга, но собака даже не повела ухом. – Нельзя!

Хвост Рыжей заходил ходуном, она толкнула ведро раз, два, пытаясь поймать вертлявую рыбу. Вода выплеснулась на землю, и тогда рыбак обернулся.

– Эй! – воскликнул он возмущённо. – А ну, брысь, пош-шла!

От испуга Рыжая подскочила, опрокинула ведро, успела в последний миг схватить рыбу, и та яростно забила хвостом по её морде.

– Ах ты! – в отчаянии затряс кулаком рыбак и кинулся на собаку.

Та увернулась, и мужик наступил на собственную сеть.

И вдруг Велга, сама себя не помня, сорвалась с места, схватила с сучка накидку и побежала прочь со всех ног.

– Ах вы! – закричал рыбак на обеих – и на девушку, и на собаку – с такой невыносимой обидой, что стало совестно. – Вы-ы-ы!

Послышался плеск. Велга обернулась на бегу. Несчастный рыбак упал в воду, запутавшись в сети. Рыжая, поднимая волну брызг, обежала его стороной и кинулась следом за Велгой.

– Сто-о-ой! – вопил рыбак ей вслед.

Но Велга бежала уже мимо других рыбаков так быстро, как только могла на своих коротких ножках, и злилась в очередной раз на жестокого Создателя, который сделал её настолько похожей на отца.

В боку закололо.

Велга остановилась у мостков, где женщины набирали воду, отдышалась. Бабы с коромыслами поглядывали на неё презрительно, с неприкрытым отвращением. Ещё бы: полуголая, растрёпанная. Она походила на падшую девку. Накидка оказалась слишком велика, зато доходила почти до пят, скрывая голые ноги.

Рыжая, успевшая съесть рыбу, обнюхала накидку с любопытством, но, кажется, в целом осталась довольна. Она единственная смотрела на Велгу по-прежнему дружелюбно. Ей неважно было, похожа её хозяйка на княжну или на оборванку.

– Чего нужно? – раздался резкий голос с мостков.

– А?

Рослая немолодая женщина отставила вёдра в сторону и подбоченилась, пристально, с недобрый прищуром наблюдая за Велгой.

– Чего здесь шляешься? Тут приличные люди живут.

С безродными бабами нянюшка даже разговаривать бы Велге не позволила. Но голод и злость развязали язык.

– Приличные люди в этот час молятся в храме.

– Да тебе молись не молись, а не отмолишься.

– И не отмоешься, – хохотнула худая точно палка носатая женщина в драном платке.

Если бы они только знали, с кем говорили! Если бы только здесь были люди отца, женщины бы поплатились за свои слова! Велга закричала зубами. Ей не приходилось ругаться с тем, кто даже смотреть на неё должен был согнув спину. Она Буриной, её предок основал этот город. Да если бы не пожар, если бы не бояре, да если бы...

– Хах, ты посмотри только, как глазами стреляет, – хохотнула та, что была в драном платке. – Видать, так и убила бы тебя.

– Видать, редко честные бабы колотили шалаву, – усмехнулась первая. – А ну, поди сюда, научу, как со старшими разговаривать.

– Это я тебя научу, – процедила вдруг Велга.

И сама испугалась и злости, и заносчивости, и жестокой решимости, что вдруг ей овладела. Матушка всегда учила быть снисходительнее к тем, кто ниже её по происхождению. Особенно к жителям Старгорода.

– Что? – выгнула бровь женщина и обошла ведро с водой. – Что ты, пигалица, сказала?

Губы у Велги задрожали.

– Я...

Она сделала шаг назад.

– Я...

– Что, пигалица?

Женщина ступила с мостков. Позади неё подруга преградила путь к отступлению. Рыжая беспокойно завертелась на месте, закрутила головой.

– Это твоя псина? – спросила брезгливо женщина в драном платке и подняла с земли большой камень, покачала в руке, примеряясь.

– Не тронь, – пискнула Велга.

Раздался громкий плеск. Женщины одновременно обернулись, когда из-под моста показался скренорский драккар. Дружно вёсла ударили по воде.

На носу стоял Инглайв, и Велга в первое мгновение потянулась к нему, уже приоткрыла губы, чтобы позвать по имени. И осеклась.

Северяне тоже были там. Северяне резали людей её отца, но они резали и друг друга. А Инглайв? С кем был Инглайв? Мужчина, с которым вчера её обручили под чужим именем. Он был ласков и добр с ней, пытался развеселить. Он был гостем в её доме, он пил их вино, он вкусил хлеб с солью. Но почему он так переменился?..

Драккар двигался легко, точно летел над водой. Ветер подул Велге в спину, и рыжие непослушные кудри упали на лицо. Она пригладила их и вдруг с ужасом поняла, насколько яркими они были. Среди других господиц она всегда выделялась огненными волосами, вызывала зависть и восхищение, но теперь... теперь они делали её слишком заметной.

Инглайв искал её, последнюю выжившую Буриной.

Женщины, окружившие Велгу, загляделись на драккар, и она не стала медлить, нырнула в сторону, на тропу, и помчалась со всех ног.

– Куда?! – завизжали бабы.

Но она даже не обернулась. Тропа легко ложилась под ноги, точно и вправду сама земля придавала сил. Это её земля, её рода. Велга не могла здесь погибнуть.

– Вон она! – раздалось на скренорском от реки.

Её заметили!

Велга побежала ещё быстрее. Уже совсем рядом виднелся высокий частокол усадьбы Млада Калины, а за ним людная улица, и узкие переулки, и десятки мостиков через ручьи и реки, и сотни чужих дворов, в которых легко спрятаться. Только бы добежать, только бы добежать.

Впереди подпрыгивал весёлый рыжий хвост. Собака неслась вприпрыжку, точно они выбрались на весёлую прогулку. Впереди протекала речка Вонючка, над ней висел кривой мостик. Велга собиралась нырнуть под него, перебежать по камням затхлую узкую реку, как вдруг сверху, с мостика, спрыгнул здоровый мужик. В волосах косы, на лице скренорские знаки.

– А!

Скользкий камень попал под ноги, и Велга, вытянув руки, упала, проехала по сырой земле. Скренорец схватил её за волосы, поднял легко, как игрушку. Она засучила руками, ногами, завизжала.

Народ вокруг разбежался в разные стороны. Плакали дети, ахали женщины.

– Эй, морда, отпусти девку! – потребовал какой-то мужик, но товарищи потащили его в сторону.

– Не лезь.

За грязную Велгу, за господину, что походила на нищенку, никто не вступился.

Грубые пальцы схватили её за запястье правой руки. Он отпустил волосы, но тут же взял её за шею. Рыжая беспокойно кружилась рядом и повизгивала. «Что делать? Что делать?» – бестолково повторяла она на своём собачьем языке и никак не решалась напасть на здорового мужика, что легко мог сломать ей хребет.

– Стой смирно, господинца, – процедил скренорец.

Велга узнала его, они виделись прошлым вечером, пили за одним столом. Кажется, он даже звал потанцевать Муху, а она хохотала, хохотала... Перед глазами встало искажённое ужасом лицо Мухи. В ушах застыл её крик.

– Отпусти, – сорвался с губ едва слышный шёпот. – Умоляю.

– Пошли, – скренорец положил руку ей сзади на шею, толкнул, заставляя согнуться.

Велга взвизгнула не столько от боли, сколько от страха, споткнулась, подвернула ногу. Скренорец зарычал, ударил её по затылку. И тут Рыжая не выдержала, вцепилась ему в щиколотку. Он пнул её другой ногой, Рыжая злее сжала челюсти. Ему пришлось отпустить Велгу, чтобы отпихнуть собаку, а девушка тут же бросилась бежать.

Она услышала, как жалобно взвизгнула Рыжая, но даже не обернулась. Люди расступались, точно перед прокажённой, но никто не пытался остановить.

– Туда, она побежала туда! – воскликнул кто-то.

В стороне послышался топот и тяжёлое дыхание. У ног мелькнули рыжие уши.

Завернув за частокол Млада Калины, Велга пробежала по улице, нырнула в ближайший переулок, что вёл к молельне и дому травницы Зуйки. И дальше, прямо по грядкам с ромашкой и мятой. Велга перепрыгивала, Рыжая неслась напрямик, разрывая когтями землю и приминая цветы.

Хлопнула дверь – видимо, их заметила Зуйка, – только Велга уже нырнула в кусты у оврага, на краю которого стоял двор травницы.

А дальше вниз по кривой, всегда скользкой тропе. Босыми ногами по грязи и камням. Когда она научилась так бегать? Купеческая дочка всегда ходила степенно, легко, точно пёрышко. Откуда взялась эта прыть?

Через ручьи и лопухи, через заросли крапивы, обжигая голые ноги. Шуршала трава, шумно вырывалось дыхание из груди.

Рыжая взлетела вверх и остановилась на другой стороне оврага, оглянулась на хозяйку.

– Помоги, – прохрипела Велга, потянулась, но смогла схватиться только за хвост.

Удивительно, но собака стерпела, точно поняла, что сама она уже не выберется из глубокого оврага.

Дрожащими пальцами Велга нашла загривок Рыжей, вцепилась в шерсть.

– Давай, давай, тупая псина...

Рыжая лизнула ей пальцы: «Больно, слишком сильно хватаешь».

Они вылезли наверх, упали на траву рядом, чтобы отдышаться. Велга не отрывала взгляда от оврага, прислушивалась: не бежал ли следом тот скренорец. Такой бы точно наделал шума, точно кабан.

Но было тихо. Слишком тихо. Неужели получилось?

Велга отдышалась. Нужно было вспомнить дорогу до дома тётки. Итак, сначала к Сутолму мосту. Туда, где потонула княжеская гордость Буриноев.

* * *

Она следовала за ним от пристани. Белый чувствовал её взгляд, ощущал, как противный холодок щекотал шею. От пристани до Водяных ворот и дальше через детинец. Она не отставала.

В храм не зашла, боялась суеверно, глупо, но, быть может, не без причины. Белому в храме тоже всегда становилось не по себе, но он винил дым от десятков свечей и гундосящих молитвы Пресветлых Братьев. Куда могла пойти перепуганная девка? Белый заглянул к её тётке Белозерской, но там её не было; проверил на пристани, вдруг решила сбежать, но никто не слышал о рыжей девке; и вот он пришёл в семейный храм – у всех богатых семей в городе были свои храмы, – но и там её не нашёл. Велга Буриной точно сквозь землю провалилась.

Когда Белый спустился по высоким ступеням и огляделся, то сначала подумал, что наконец остался один.

Но она сидела на траве за углом храма, рядом с попрошайками, крутила между зубами травинку. Значит, решила больше не прятаться. К чему были эти игры? Прищуриив глаза, она подняла голову. Короткие взъерошенные волосы были серыми от сажи.

– А тебя-то каким ветром занесло? – устало вздохнул Белый.

– Плоть – земле, – произнесла Галка.

Он выгнул бровь и посмотрел с неодобрением.

– Не сейчас.

Попрошайки, сидевшие рядом, косились на них злыми несчастными глазами. Верно, боялись, что те займут хлебные места.

– Плоть – земле, – повторила сердито Галка.

– Душу – зиме, – вздохнул Белый.

Она довольно хмыкнула:

– То-то же.

– Так каким ветром тебя туда занесло?

– Вот это хороший вопрос, – она протянула руку, и он помог ей подняться. На ладони остались чёрные разводы. – Галка, что ж ты как поросёнок? Могла бы и умыться.

– Э, – скривилась она. – Некогда было. Я искала батьку... Жрать охота, – зевнула Галка. – И спать.

– Спать некогда, – помотал головой Белый. – Но пожрать и вправду стоит.

Вдвоём они спустились к пристани, сели в корчме на самом берегу, недалеко от стен детинца, где обычно обедали работяги с пристани.

В стороне поднимался дымок от костерков: рыбаки готовили обед прямо на берегу. Мелкую рыбёшку они кидали в свои котлы, рыбу покрупнее продавали в корчму рядом, а лучший улов несли на торговые ряды или коптили тут же.

За последние дни Белый наелся рыбы досыта, но ничего больше в корчме не подавали, и он снова принялся хлебать уху. Галка ела жадно, громко хлюпая и пачкаясь. Жир тёк по её щекам, подбородку и пальцам, а Галка вытирала его рукавом засаленной жёлтой рубахи.

– Ну? – спросил нетерпеливо Белый, откусив большой кусок пшеничной лепёшки. – Кто твой договор?

– А про свой рассказать не хочешь? – вытерев тыльной стороной ладони губы, Галка оторвалась от миски. – У меня старший Буривой.

Галка врал. Она всегда делала это легко, не задумываясь, почти ничем не выдавая себя. Но Белый слишком хорошо знал её взгляд. Когда глаза у Галки воровато косились на её вздёрнутый веснушчатый нос, это значило, что она бессовестно лгала. Но выводить сестру на чистую воду он не спешил. Раз лгала, значит, была тому причина.

– А чего от меня хочешь?

– Я его не нашла. Ты потерял девчонку, – она стала ковырять в зубах ногтями. – Короче, мы в жопе. Засыпало наш путь, чтоб его.

– Не богохульствуй, – нахмурился Белый.

Галка смешливо фыркнула:

– Думаешь, мы действительно прогневали госпожу?

– Помолчи, – рыкнул на неё Белый и отвернулся к реке, не желая видеть красную от загара морду Галки.

Весна всегда уродовала её. Бледная, беленькая, закутанная в юбки, платки и шубу зимой, Галка с наступлением весны превращалась в сутулую грязную пацанку в драных портах. Платок больше не мог скрыть её обрезанные пепельные волосы, а складки платья – угловатое мальчишечье тело.

А терпеть её болтовню Белому всегда было тяжело, особенно долгими зимними вечерами, когда в избе становилось совсем скучно. Трахать сестру было куда приятнее, чем слушать.

– С чего ты решила, что Буриной жив? – спросил он не глядя.

– Я не видела его мёртвым.

А девчонку Белый видел живой, он упустил её в саду, когда она ловко нырнула под забор. Но как долго могла скрываться знатная девица из богатой семьи? Вряд ли она прежде когда-нибудь выходила за стены поместья без сопровождения нянек и гридней. Вряд ли она могла оставаться незаметной – точно не с её рыжими непослушными кудрями.

– Откуда ты знаешь, что Велгу заказали мне?

– Видела, как ты гонялся за ней по саду. В жизни не видела зрелища нелепее. Такой ты был неповоротливый.

– Меня пырнули в бок.

– И что?

– Я не хотел тратить посмертки Осне Буриной. Они понравятся матушке.

Закатив глаза, Галка скривила рот. Она реже остальных приносила посмертки. Утверждала, якобы приходилось использовать самой. Может, она и вправду чаще старших братьев получала опасные раны. Всё же она была женщиной. Но Грач подозревал, что Галка просто не хотела делиться с матушкой и госпожой.

– Так что, ты исцелился?

Белый молча кивнул. Он зарезал одного из скренорцев, что гнался за Велгой, и вытянул его жизнь, чтобы спасти свою. Пусть ни он, ни Галка не были чародеями, но благословение госпожи не раз спасало их жизни. Он, Белый, и вовсе жил только благодаря госпоже.

– Так что? – он поскрёб деревянную столешницу, чувствуя, как грязь собирается под ногтями.

– Надо бы их найти. Выполним свои договоры...

Скольким людям помешали Буриной? Скольким наёмникам заплатили, чтобы избавиться от семейства? Белый, Грач, Галка, скренорцы – их всех нанял один человек или четыре разных? Если один, то он дурак, который помешал собственным наёмникам сделать дело. В одиночку Белый легко управился бы со всем семейством, тихо, по одному передушил, как лис, прокрадываясь в курятник, – цыплят.

Галка, скорее всего, лгала. Но и предавать Белого она бы намеренно не стала. Значит, можно было пока держаться к ней поближе. Вот если бы она попробовала урвать добычу из лап Белого...

– Думаю, Кажимеж похитрее своей дочери, – заключил он. – Опытнее. В конце концов, он мужчина. Испуганную маленькую девчонку найти легче.

– Тогда чего ты до сих пор её не нашёл? – усмехнулась Галка. – И вообще, как ты умудрился её упустить?

Белый прищурился, чувствуя, как внутри разрасталось раздражение.

– Знаешь, сестрёнка, тебе ужасно везёт, что я тебя люблю.

– Братик, тебе ужасно везёт, что у тебя есть я, – она перегнулась через стол и чмокнула его в губы. – Так и быть, помогу найти твою пропажу.

* * *

Выгнутый, точно ошестинившаяся кошка, Сутулый мост висел над речкой Мутной, и десятки ног недружно топали по нему, то взбираясь тяжело наверх, то торопливо спускаясь вниз. Дурацкий был мост, неудобный. Летом на него ещё можно было взобраться, но зимой он замерзал, леденел и превращался в горку. Мутная не промерзала даже в сильные морозы, вот и

приходилось взбираться по Сутулому, скользить, падать, подворачивать ноги, только чтобы не идти далеко вверх по течению до следующего моста. Здесь, в устье Мутной и Вышни, вода была глубокой, непокорной, и ни один другой мост, кроме Сутулого, не мог выдержать её течения. Так и вышло, что его не перестраивали, даже когда приходил срок. Плотники заменяли доски, укрепляли сваи, и выгнутый чудной Сутулый стоял и дальше.

Велга схватилась за поручень, ступая на мост. Босые ноги болели, ссадины кровили. От каждого шага она всхлипывала, но нужно было идти. Рыжая убежала под мост, и слышно стало, как она плескалась в реке и громко лакала воду.

Люди спешили мимо. Шустрая старушка, поднимавшаяся следом за Велгой, нетерпеливо пыхла в спину и время от времени толкала берестяной корзиной под зад, поторапливая. Медленно, шаг за шагом они взбирались по крутому мосту наверх. Остальные прохожие были куда быстрее их двоих, да и старушка, верно, уже убежала бы далеко вперёд, если бы не Велга. По голым ногам мазнул мокрый хвост, и Велга вздрогнула. Рядом остановилась Рыжая. И они медленно пошли дальше.

Опираясь, Велга волокла своё усталое изнеможённое тело вверх по мосту. И, поднявшись на середину, остановилась.

– Чего встала? – не выдержала старушка.

– Отдохнуть хочу.

– Молодая ты уставать, – сплюнула в воду старуха.

Велга не ответила, не отрывая глаз от тёмных вод Мутной. Прежде она никогда не поднималась по мосту. Отец всегда выбирал дальний путь, чтобы проехать в город. Якобы ноги боялся переломать и себе, и лошадям на горбатом Сутулом. Велга знала, что дело в другом. Здесь, на этом самом месте, утонула княжеская слава Буриноев.

Три века прошло с тех пор, но до сих пор не смыла их позора.

Так было принято испокон веков: стоило правителю, воеводе, голове или любому человеку при власти прогневать народ и потерять доверие, как его сбрасывали с Сутулого моста прямо в реку. Выплывет – будет жить, потонет – так ему и надо. Но никогда к власти его уже не допустят.

Так и случилось с первыми Старгородскими князьями Буриноевыми. Пятый правящий князь Гостомысл Буриной отказался сдать город рдзенскому королю. Год держали осаду, год граждане Старгорода не сдавались. Начался голод, народ взбунтовался, и тогда бояре Белозерские сговорились с рдзенцами, и князя Гостомысла сбросили в реку, лишив и жизни, и власти, и даже княжеского имени.

– Ты чё, девка? – старуха перегнулась через поручень, чтобы заглянуть ей в лицо. – Ты чё? – она оглядела её быстрым цепким взглядом. – Обидели, да?

В ответ получилось только выдать неуверенный всхлип.

– Ох, девчушка, – сочувственно вздохнула старушка, – видимо, сама уже себе что-то придумала, – прищурилась и вытащила из корзины, прикрытой платком, румяный пирожок. – На.

Руки у старухи были немногим чище, чем у Велги, и, кажется, грязь уже втёрлась под ногти и кожу: такими серыми, хотя, кажется, даже мытыми они выглядели. Такие бывали у слуг, которые работали в саду. Их на кухню уже не пускали. Сколько бы они ни тёрли руки щёткой, чёрная земля так и оставалась на коже.

– Не нужно, – чуть отвернувшись Велга и добавила с неожиданным для самой себя смущением: – Спасибо.

– Да возьми, – настойчивее пихнула старуха. – Бери, говорю.

Отказывать было неудобно, и Велге пришлось забрать пирожок. От одной мысли, чтобы съесть его, затошнило. Взгляд зацепился за серый поеденный молью платок, которым старуха накрыла корзину.

– Бабушка, – пролепетала жалобно Велга. – А можно мне... твой платок? Волосы покрыть...

Толстые грубые пальцы с чёрными ногтями беспокойно затеребили ткань.

– С непокрытой головой да распущенной косой нехорошо, – пробормотала старушка, но платок отдавать не поспешила.

– Стыдно, – пробормотала Велга, хотя вовсе не стыд ею двигал.

– Ох, ладно, бери!

И, стащив с корзины платок, она передала его Велге. Та, придерживая одной рукой пирожок, другой повязала растрёпанные волосы.

– То-то же, – оглядела её старушка. – Куда идёшь?

– К тётке.

– А родители что?

В ответ получилось только помотать головой, впрочем этого хватило.

– Ох, сиротинушка, – старушка посплюнявила палец и потянулась им к лицу Велги, верно заметив какое-то пятно. Та отпрянула в сторону.

– Не надо, я сама.

– Ну как знаешь, – сморщилась старушка. – Ишь ты...

Велга вскинула брови, задрала подбородок гордо, по-княжески. Простолюдинки, кроме Мухи, и коснуться её случайно опасались, чтобы не оскорбить. Только наглые попрошайки да блаженные у подножия храма так же бесцеремонно хватали за руки, целовали пальчики, вымаливая милостыню.

Жалость и сочувствие, только что читавшиеся в глазах старушки, в мгновение исчезли. Она быстро засемила вперёд. Рыжая потрусила было за ней, но оглянулась на хозяйку и замешкалась. Вернулась.

Пирожок, казалось, прожигал ладонь. Рыжая ткнулась в него мокрым носом, облизнула пальцы.

– Держи, – Велга отдала угощение собаке, и та жадно схватила, заволновалась, засуетилась: «Куда спрятать? Куда спрятать?»

Народ на мосту, недовольно ворча, толкал их дальше вниз. Спустившись, Велга отошла чуть в сторону, подождала, пока Рыжая поест.

Правый берег Мутной покрывала деревянная мостовая, и идти по ней босыми ногами было приятнее, чем по голой земле.

Старгород гудел. Фыркали лошади, лаяли собаки, гоготали сбежавшие испуганные гуси, и кричали люди, разбегаясь от проклятых птиц. Ни Велга, ни Рыжая к такому не привыкли. Одна росла во дворце и гуляла только с нянюшкой и гриднем, которые никому не позволяли её

толкнуть. Вторая не встречала других собак, кроме соседских, с которыми ругалась уже скорее по привычке. И теперь они жались друг к другу, протискиваясь через толпу на большую дорогу.

Выше, на холме, стояли красивые усадьбы знатных горожан, там жили князья Белозерские.

Шесть лет назад, когда Велга была ещё слишком мала, Далибора Буриной рассорилась со своим братом Кажимежем и против его воли вышла замуж за князя Белозерского. Отец говорил, что тётка сделала такой выбор назло ему. Мать утверждала, что других вариантов у тётки не было. Далибора считалась глупой и страшной – по крайней мере, так утверждала нянюшка, – и потому замуж её мог позвать только такой же глупый и страшный жених.

«Пусть и Белозерский, пусть с самой Лебёдушкой в родстве, а всё-таки порченный», – как-то раз сказала нянюшка. Отец за такое, пожалуй, мог бы её и выпороть.

Пусть сын и младший в роду, пусть «порченный», да только князья Белозерские были богаты, раз младшему сыну построили такой большой дворец, что башенки его виднелись изда-лека. И на княжении в Старгороде тоже посадили его.

Велга сразу узнала знакомую крышу. Они с матерью навещали тётку накануне больших храмовых праздников. Отец в гости ходить отказывался, тётка к ним тоже не заглядывала, и одна только матушка считала нужным поддерживать родственные связи.

Частокол вокруг усадьбы был высоким, острым – не перелезть. Впрочем, Велга никогда через заборы не лазила и даже не думала пробовать. Ставни уже открыли. Окна во дворце младшего Белозерского были большие, с искусной, тонкой, точно кружево, резьбой. Со двора разносился шум: звучали голоса, звенели молоты. У ворот никого не оказалось, пришлось стучать. Выглянул заспанный дворник.

– Сегодня подачек не будет, – буркнул он и тут же захлопнул ворота.

Велга осталась стоять, хлопая глазами. Конечно, он принял её за побирушку. Она грязная, запуганная, жалкая. В такой девке никак не узнать княжну по крови.

Пришлось снова стучать. И кричать властно, так, чтобы холоп засомневался, с кем говорил.

– Сказал же! – сердито крикнул из-за ворот дворник. – Не дадут ни...

– Вели позвать княгиню! – гаркнула Велга и сама от неожиданности подпрыгнула.

Лицо дворника вытянулось от удивления.

– Чего-о? Пош...

– Кому сказала: вели позвать княгиню, скажи, к ней пришла её племянница, господица Велга Буриной.

С той стороны повисла мёртвая тишина. Ни шагов, ни криков. Рыжая, заскучав, села под воротами и принялась отчаянно чесать ухо, понюхала заднюю лапу, лизнула. Стоило признать, что даже она выглядела благороднее, чем Велга в проеденном молью платке.

Медленно на тоненькую щёлочку приоткрылась дверь, из неё выглянул одним глазом дворник, тёмный зрачок забегал вниз-вверх, вниз-вверх.

– Это... тебя... ночью... вас там? – сбивчиво пробормотал он.

– Да, – Велга хотела сказать как можно твёрже, но голос её дрогнул, а лицо сморщилось.

Дворник тут же распахнул створку ворот, и она вошла во двор, Рыжая скользнула за ней.

– Куда?! – хотел было замахнуться на неё холоп, но Велга вскинула руку.

– Не смей. Она моя.

Всё ещё сомневаясь, дворник осмотрел девушку с головы до ног. Она его не помнила, но Велге редко приходилось обращать внимание на холопов, тем более чужих. А вот дворник, если давно служил Белозерским, не мог не узнать племянницу госпожи. И постепенно на его лице и вправду проступило узнавание.

– В... Велга... – ахнул он и вдруг осенил себя священным знамением. – Буриной, – добавил он шёпотом, точно страшную тайну.

Она кивнула, чувствуя, как начали дрожать от волнения губы.

– Ты, господица, посиди, – дворник кинулся в сторожку, вернулся с кособоком стольцом, постелил на него сверху свой тулуп. – Вот. Переведи дух. Я мигом госпоже передам.

И, прихрамывая, поспешил через весь двор к крыльцу. Рыжая побежала за ним, виляя хвостом, но вскоре вернулась, легла у ног Велги. Та сложила на коленях руки, разглядывая поломанные ногти и расцарапанную кожу. Мысли в голове кружили водоворотом, утягивали всё глубже, и Велга изо всех сил старалась думать только о своих ногтях.

Но невозможно было притвориться, что ничего не случилось. Она оглянулась в сторону, туда, где за рекой стоял её дом. Тонкий, похожий на серый туман дымок поднимался с соседнего берега. Вряд ли ветер мог принести запах гари так далеко, но Велга чувствовала его и здесь. А что это в воздухе? Пепел или тополиный пух? У реки росло много тополей, в саду Буриноев – яблонь, а у Белозерских ни травинки, ни цветочка.

Зато двор был полон скотины, слуг да мастеровых. Стучали молотки, скрипели прядильные колёса. Пусть младший Белозерский был порченным, а всё же не глупым. Стоило ему приехать в Старгород, и он отстроил большое хозяйство, привёз с собой мастеровых и мастериц, многие из которых обучались у лойтурцев. И уже через несколько лет его корабли повезли товары и на юг, и на север. Многим это, конечно, не нравилось, но простой народ князя полюбил: настоящий хозяин. Хваткий, деловой, живой и совсем ещё молодой. А с лица воду не пить.

Говорили, правда, что по ночам он выл, а то и вовсе обращался в волка и бегал по округе, крал маленьких ребят. Велга последнему не очень верила, но в глаза князю смотреть опасалась: один глаз у него был чёрный, второй голубой. И нос – длинный, острый – дёргался постоянно, словно у крысы, вынюхивающей лакомый кусок. Но хуже всего был горб, точно огромный мешок за плечом. Какую бы богатую одежду ни надел князь, горб скрыть не мог. Отец считал, что княжич так болен потому, что родился у пожилой матери. Нянюшка говорила, что Белозерских проклинали боги за то, что они натворили в Старгороде. Велга старалась не думать о князе Белозерском вовсе. И ещё сильнее старалась не смотреть в его сторону. Рано или поздно она не смогла бы скрыть отвращения во взгляде.

Напротив сторожки, где сидела Велга, стояла конюшня. Большая, крепкая, на много голов. Над конюшней, как и над остальными зданиями в усадьбе, висел кованый знак рода: рыба со скрученными хвостами и беспокойная гладь воды, похожая на чешую. Что у Белозерских, что у Буриноев на родовых знаках изобразили воду, только у Белозерских это были игривые волны Белого озера, где и теперь старгородцы купались и ловили раков, а у Буриноев – буйные волны Седьмого моря. Предки Велги пришли с Калиновых холмов три века назад. Кем были тогда Белозерские? Их воеводами? Советниками? А то и вовсе слугами. Только подлостью и хитростью они заняли княжеский престол. Их кровь была пресной водицей лесного озера, кровь Велги – солёной, точно северное море.

Но Белозерские по-прежнему правили. Жили. Были. А Буриноев не осталось. Ни одного. Никого.

Велга вцепилась в накидку так сильно, что пальцы побелели. Рыжая, кажется, что-то почувствовала, облизала её руки. Быть может, она просто учуяла запах пирожка, который хозяйка недавно держала в руках.

Издалека слышался шаркающий неровный шаг дворника.

– Господица Велга, – позвал он и тут же запнулся, повторил её имя тише, точно устыдясь: – Господица Велга, княгиня Далибора ждёт.

Знакомый дворец Белозерских показался ещё более чужим и мрачным, чем обычно. Создатель до сих пор не подарил князю и княгине детей. Во дворе не было слышно ни весёлых дворовых девок, залиvisto поющих свои деревенские песни во время работы, ни говорливых парней, весело переругивающихся друг с другом. Даже собаки у Белозерских оказались какие-

то молчаливые, сдержанные, но глядели так люто, что крикливая Рыжая поджала хвост и не отходила от ноги Велги.

– Псине нельзя, – предупредил виновато дворник.

Велга оглянулась на Рыжую, когда та попыталась войти в дверь.

– Нельзя.

И успела заметить, как, казалось бы, бестолковый, совсем пустой взгляд собаки погрузнел. Сердце Велги вдруг защемило. Она вообще-то не очень любила Рыжую, от той часто дурно пахло, и линяла она сильно, но была... своей. Родной. Последним, что осталось от семьи.

Но чем выше поднималась Велга по ступеням дворца, тем дальше оставалось пожарище, и берег реки, и скренорцы на драккаре, и тот жуткий оборотень-грач; чем больше между ними и Велгой вставало стен и гридней князя Белозерского, тем легче становился её шаг, и напряжение в груди нарастало, нарастало, готовое вырваться наружу. Оно разрывало изнутри и сдавливало шею.

Но стоило распахнуться дверям в покои княгини, как Велга вытянулась, точно струна, спрятала поглубже все чувства и мысли.

Тётка уже давно стала Белозерской. До свадьбы она была похожа на отца, поэтому они так часто и ругались: громко, страстно и так грубо, что мать закрывала детям уши и уводила из клетки. Но такой уж уродилась Далибора Буриной.

Далибора Белозерская была степенной, сдержанной, говорила мало и негромко. Волосы её, мышинные, прямые, ещё не поседели, но на лице уже пролегли морщины. Хотя она была немногим моложе матери Велги, но казалась безнадёжно старой. Осне сохраняла красоту, а Далибора напоминала выглянувшего из норы крота. Велга опасалась, что с возрастом станет походить на неё. Всё-таки кровь у них была одна.

Несмотря на слова матушки, в тот день Далибора не надела височные кольца рода. Но на голове её был белый кручинный платок из льна.

Она знала.

Далибора с недоверием оглядела Велгу с головы до ног, видимо с трудом узнавая в обрванке племянницу. Та покорно опустила глаза.

– Да озарит Создатель твой путь, тётя Далибора.

– Велга, – глухо произнесла княгиня.

В ответ получилось только кивнуть.

– Жива, – тот же глухой безжизненный голос.

Велга осмелилась поднять глаза, наткнулась на тёмные глаза тётки и вдруг неожиданно для самой себя сорвалась с места, обвила её руками, уткнулась лицом и разрыдалась в голос. Тётка будто бы хотела отстраниться, но всё же обняла в ответ.

А Велга плакала, плакала и всё пыталась что-то сказать, но не могла выдать ни слова и только мычала бессвязно и позорно, как безродная девка, цеплялась пальцами за одежду тётки и марала её белый платок соплями и слезами.

– Ну-ну, – Далибора подождала немного, нетерпеливо отстранила от себя, деловито, точно платок на ярмарке, оглядела ещё раз, поджала губы. – Тебе нужно помыться.

Ответить Велга ничего не смогла и не успела. Зазвенел колокольчик, и в покои бесшумно вошли две холопки: молодая и старая.

– Приведите господину Велгу в порядок, – велела тётка. – И никому ни слова, что она здесь.

* * *

Тела обуглившиеся, точно чурки в печке, застывшие со вскинутыми руками, с искажёнными лицами, с распахнутыми в беззвучном крике ртами сваливали без всякого порядка, точно мешки с репой, на одну телегу.

– Плоть – земле, – пробормотала Галка, незаметно сложив большой и указательный пальцы в знак ворона.

– Душу – зиме, – так же тихо ответил Белый.

И рука его повторила за сестрой.

Так было принято. Они забрали жизни, передали их в руки госпожи, они же должны были с ними попрощаться. Белый находил в этом нечто успокаивающее – наблюдать за плодами своего труда.

Тела выносили с пожарища одно за другим, а они всё не заканчивались. Кто-то задохнулся от дыма, других завалило, когда обрушился дворец, третьи сгорели заживо. И всех теперь грузили на телеги, выстроившиеся вдоль дороги.

Только четырёх удостоили отдельной повозки. Их обмотали белым полотном, над ними постоял со скорбным видом городовой.

– Четыре, – сказала Галка.

– Я вижу.

– А говоришь, что девчонка сбежала.

– Я сам видел, – недовольно ответил Белый.

– Хм.

– И знаки ещё не зажили, – он чуть приподнял левую руку, показывая торчащую из-под рукава повязку.

– Хм...

– А у тебя что?

Сестра поспешно помотала головой, стараясь не смотреть ему в глаза. Врала. Но знать бы ещё, о чём именно.

– Пора.

– Посмотрим ещё, – попросила Галка.

Ей нравились пожарища и запах плоти.

Народу вокруг сгоревшей усадьбы Буриноев собралось столько, что никто не обращал внимания на мужчину, похожего на лойтурца, и девчонку, одетую как мужчина. Городские стражники безуспешно пытались разогнать зевак. Единственное, что пока получалось, – не пускать никого к пожарищу. Там чернела дымящаяся громадина дворца. И сквозь испуганный ропот толпы, казалось, слышно было, как тихо потрескивали угли, тлеющие под обвалившейся крышей.

А сверху на развалинах сидел домовый, дух крутил головой, но уходить никуда не спешил. Он заметил пристальный взгляд Белого, сжался и заполз в обвалившуюся печную трубу. Как скоро он умрёт от тоски или пустоты? Жаль, не было на него времени. От духов Нави оставались самые вкусные посмертки.

Чудом спасшаяся лошадь ходила по саду, щипала засыпанную пеплом траву между яблонами.

Вдоль дороги сидели выжившие холопы и слуги, одного из них, верно приближённого господ, подозвал голова, показал на четыре тела: трое взрослых, один ребёнок. У одной из погибших были длинные рыжие волосы. Даже не кудрявые, как у юной госпожицы Буриной, но, кажется, это никого не беспокоило. Холоп посмотрел, посмотрел, почесал затылок и пожал плечами, за что сразу получил крепкую затрещину.

– Присмотрись, дубина!

Холоп, вжав голову в плечи, поспешно кивнул, за что получил ещё затрещину.

– Смотри внимательно, кому говорят!

– Да они, они! – воскликнул в отчаянии холоп, и голова, то ли устав, то ли поверив, махнул извозчику рукой.

– Вези в храм Буриноев, – велел он.

– Они без понятия, кто это на самом деле, – прошептала Галка на ухо Белому.

– Знаю.

– Значит, они просто нашли рыжую девку, похожую на Буриной.

– Ага.

– Зна-а-ачит, на месте Кажимежа тоже может оказаться кто-то другой.

Если бы Кажимеж был мёртв, знак договора на запястье Галки сразу бы зажил. Значит, она врала. Только зачем?

Белый не подал виду, кивнул, соглашаясь:

– Ага.

Они переглянулись.

– Кто твой Ключ? – спросил Белый.

Галка скривилась.

– Нет уж, я тебе его не раскрою, а то ты украдёшь у меня всю работу, – обиженно сказала она.

– Больше не буду, – пообещал Белый.

– Больше я тебе не поверю, – она показала ему язык и отвернулась, подставляя лицо солнцу, точно назло, чтобы на носу и щеках вскочило ещё больше уродливых веснушек. – Веди меня к своему. Или... хочешь, потом встретимся?

Ясно было, что она всё равно проследит за ним и обязательно узнает про Вадзима, так что смысла скрываться не было никакого.

– Мой Ключ в «Весёлом кабанчике». Пойдём поедем, – предложил он.

И они побрели вверх по дороге, обратно в город мимо местами уцелевшего частокола усадьбы. На углу Галка остановилась, вытащила ножик и начертила длинную полосу на почерневшем от сажи столбе частокола.

– Подожди, – остановил её Белый. – Ещё рано. Сначала разберёмся со всеми.

– Одна из четырёх, – помотала головой сестра. – Госпожа уже забрала Осне Буриной.

– Нам за неё не платили.

– Но её посмертки у тебя. Так положено. Плоть – земле.

– Душу – зиме, – по привычке отозвался он.

И сестра прочертила галочку, заканчивая рисунок: воронову лапу.

В «Весёлом кабанчике» было как обычно. Проезжие путники торопливо ели без лишних разговоров, торговцы и дельцы спорили о ценах, забулдыги валялись на сене под окнами, а подавальщица Милка громко ругала всех, кто не заплатил, разбил посуду, нахамил или просто не пришёлся ей по душе.

Вадзима нигде не было видно.

– Эй, белый! – воскликнула Мила, случайно угадав его прозвище.

Она ловко, точно в танце, обогнула столы и лавки, легко удерживая заставленный посудой поднос. Галка ревниво оглядела её с головы до ног и встала поближе к Белому, но Мила, кажется, приняла её за юношу. Подавальщица оценивающе скользнула по Галке глазами, не заметила для себя ничего любопытного и посмотрела прямо на Белого.

– Ты пришёл заплатить Вадзиму?

– Нет.

– В смысле? – нахмурилась Мила.

Гневаться у неё получалось красиво, она от этого становилась ещё привлекательнее, особенно когда дула губы.

– Вот так, – пожал плечами Белый. – Сам расстроен, да не срослось с работой. Пришёл узнать... кое-какие подробности.

– И когда ты ему заплатишь?

– Когда выполню работу.

– А когда ты её исполнишь? – она сделала шаг навстречу, и Белому невольно захотелось отступить.

– Сегодня ночью, – вмешалась Галка, вытянув свой длинный нос. – Сегодня ночью братик всё сделает.

Мила только теперь пригляделась к ней внимательнее, удивлённо повела бровью, наконец признав в Галке девушку.

– Братик, значит?.. Это что же за дела по ночам делаются? – спросила она задумчиво, переведя взгляд на Белого. – Вы что, тати какие?

– Нет, – почти честно ответил Белый. – Не тати. Может, моя сестра слишком спешит с обещаниями, и всё будет сделано не сегодня, а завтра утром или днём. Как распорядится судьба.

Крепче перехватив поднос, отчего задрезбужали горшки и миски, Мила покачала головой.

– Ох, белый, чую, бедовый ты, – сказала она и резко переменилась в лице, кивнула в сторону лестницы. – Вадзим дрыхнет. Всю ночь песни горланил, – она собралась уходить и оглянулась через плечо, приглашая идти за ней.

Ступала она ловко, по-кошачьи плавно, покачивая бёдрами. Отвести глаза от её зада получилось только потому, что Галка ударила брата кулаком в бок. Они сцепились взглядами.

– Что заработал хоть? – с угрозой посмотрев на сестру, громко спросил у Милки Белый.

– Ни монеты. Говорю же: он горланил, а не пел. Напился как свинья и лежал всю ночь под лавкой. Пытался, правда, отнять дуду у одного хлопца, так этой самой дудой и получил по затылку.

Галка весело хрюкнула.

– Хороший у тебя, однако, Клюв, – произнесла она шёпотом. – Работку, наверное, лучшую приносит.

– Считай, ту же, что и тебе.

Они остановились у закрытой двери. Сестра сделала небольшой шаг вперёд так, чтобы встать между Белым и Милой, та лукаво улыбнулась и посмотрела Белому прямо в глаза, упрямо не замечая Галку между ними.

– Скажи ему, что, если завтра не заплатит, батюшка продаст его работоторговцам. И пусть дальше промышляет не песнями, а собственной шкурой.

– И тебе его не будет жалко? – голос прозвучал хрипло, точно он сам горланил песни ночь напролёт.

– В прошлом году он трахнул мою троюродную сестру, а та понесла. Я буду рада, если теперь оттрахают его.

У Галки затряслись плечи. Не выдержав, она разразилась звонким смехом.

– А-а-а, ну ты даёшь, – она оглянулась через плечо на Белого. – И вот с этим недоумком ты ведёшь дела?

Рассказывать при Миле о Вадзиме всё, что знал Белый, точно не стоило, поэтому он застыл с каменным лицом и дождался, пока Мила уйдёт.

– И это твой Клюв? Ему ты доверил заключать твои договоры? – с презрением произнесла сестра. – Нищему пьянице?

– Он гусяр, – ответил мрачно Белый и толкнул дверь.

И они шагнули в ложницу. Их окутало облако смрада. Галка закашлялась. Белый, прикрыв рот, метнулся к окну и распахнул ставни, высунул голову наружу, тяжело дыша. Рядом с ним тут же оказалась сестра, она жадно глотала воздух.

– В могиле... пахнет... слаще, – проговорила она тяжело.

Они-то в этом деле разбирались. Матушка хотела, чтобы они познали смерть со всех сторон, чтобы кости и гниющая плоть стали им милее цветущего сада.

У стены на полу зашевелилась груда тряпья, и оттуда выглянуло зелёное лицо Вадзима.

– Чё надо?

– Твоя помощь.

– А чё?

– Ничё, – огрызнулся Белый. – У Буриноев меня ждали. Их заказал кто-то ещё. Вот ей, – он показал на Галку. – Кажимежа Буриноев. Не знаю, кто её Клюв, а она не скажет, слишком упрямая. Другому нашему брату заказали Велгу и Константина, причём, как я подозреваю, не убить, а спасти. А ещё кто-то прислал скренорцев. Там была толпа желающих порешить Буриноев.

– Так порешили?

– Девчонка сбежала. Галка говорит, что Кажимеж тоже. Мальчишка пропал. Мои знаки ещё не зажили, значит, он жив. Мать убил я.

– Что?! – Вадзим подскочил на месте, схватился руками за волосы. – На кой ты её убил? Тебе не давали заказ...

– Пришлось.

– Белый, – протяжно вздохнул Вадзим. – Ну ка-а-ак так? Белый, ты же... ты же...

– Там был другой Ворон. Мой брат. И скренорские головорезы. И леший знает, кто ещё, – повторил он, чувствуя себя мальчишкой, пытавшимся оправдаться перед родителями. – Такое ощущение, что ночью за Буриноевыми пришёл весь Старгород. Я бы справился, если бы не они. Но всё пошло наперекосяк.

– Бе-е-луй, – повторил Вадзим так задумчиво, что Белый понадеялся получить дельный совет. Зря. – Не знаю, что тебе хорошего сказать. Херня какая-то.

– Херня не то слово, – хмыкнула Галка. – Ну, дядя, что будем делать? Есть идеи, где искать детишек?

Галка была всего на год старше Велги Буриной, но, верно, она и вправду рано повзрослела. Они все расстались с детством слишком рано. Когда матушка привела Грача, он уже походил на старика. Под глазами залегли морщины. Глаза смотрели равнодушно, слепо. Он был старше остальных, и Белый ужасно ревновал его в детстве. Грач во всём оказался лучше: сильнее, умнее, опытнее. Он уже однажды убивал. Матушка хвалила его за кровожадность. До сих пор она вспоминала, как Грач впервые зарезал кого-то.

И он, единственный из троих выросших Воронят, оказался чародеем. Он не просто звался Вороном, он им стал. Белому была близка Навь, он чуял её костями, но колдовать не умел. Матушка объясняла, что родился Белый только благодаря её заклятиям и благословению госпожи. Она никогда не рассказывала, что именно произошло и кто был его матерью, только то, что настоящая мать Белого отказалась от него, вырвала из чрева, выкинула, точно щенка у суки. Она и была сукой. Бессердечной, мерзкой сукой. Если бы Белый узнал её имя, то убил бы без промедления. Может, поэтому матушка и скрывала правду.

Когда пришёл срок для Воронов впервые сослужить службу госпоже, матушка выбрала для Белого девушку из Пясков. Её звали Желя. У неё были сладкие губы со вкусом земляники и ласковые руки. Она любила положить голову на грудь Белому и водить по коже пальцами, рисовать только ей понятные узоры. Белому нравилось прижимать её к себе, вдыхать запах крапивы в волосах, нравилось целовать её горячую, пахнущую солнцем кожу, гладить округлые бёдра и полную грудь.

Желю призвала к госпоже Галка. Она уже тогда хвостом ходила за Белым, но Галка была худошавая, плоская, совсем ещё юная и скучная. Он не замечал её, а когда сестра слишком доставала, то гнал прочь. Но после, когда Жели не стало, и даже имя её запретили вспоминать, Белый остался один, а Галка по-прежнему всегда была рядом. И однажды Белый с этим смирился.

– Так что? Есть мысли, где их лучше искать?

– У тётки? Она Белозерская теперь, но других родственников у Буризов в городе нет. Их тут не жалуют, братья и сёстры Кажимежа роднились с семьями из других княжеств.

– Уже проверял. У тётки никого нет.

Вадзим нахмурился. Вдруг лицо его вытянулось, а глаза загорелись таким волнением, что Белый напрягся.

– Что? Ну? – нетерпеливо поторопил он.

Но Вадзим вдруг на четвереньках проворно прополз по полу, вытащил из-под кровати ночной горшок и громко опорожнил в него желудок.

– Ой, всё! – не выдержала Галка. – С меня хватит, жду вас внизу.

Она прошла к двери топая, развернулась на пороге и стрельнула глазами на гусяря.

– Живо тащись вниз. Я тебя ждать не буду. И умой морду и рот, твоей блевотиной дышать не собираюсь.

Слышно было, как дробно простучали её сапоги по ступеням.

– Не зли её лучше, – предупредил Белый. – Она...

– Бешеная девка, – прохрипел Вадзим и поднялся, опираясь о кровать. Он взял со стола кувшин с водой, прополоскал рот и выплюнул прямо в окно. – Из ваших?

– Думаешь, я стал бы вести такие разговоры при чужих?

– Если бы знал, что потом перережешь им глотку, – пожал плечами Вадзим, осторожно присаживаясь на узкий подоконник и обнимая кувшин. – Мне не нравится всё это дело, Белый.

Редко он бывал так обеспокоен. Может, винить в этом стоило вино, может, головную боль и тошноту, только прежде Вадзим никогда не выглядел таким напуганным.

– Кажется, зря мы вмешались. Леший с ними, с деньгами. Всех не заработаешь.

– Я не могу разорвать договоры. Ты же помнишь, что стало с Вороной? И вообще-то три тысячи лишними не будут.

Три тысячи отдавать лешему не хотелось. Ни лешему, ни Грачу, ни кому-то ещё, кто охотился за Буризовыми. И дело было не только в золоте, не только в помощи Гнезду и матушке. Его, Белого, обокрали. Обещанную ему добычу вырвали прямо из когтей, обвели, выставили дураком...

И ещё была госпожа. Ласковая, чарующая шёпотом и шорохами, прохладой и покоем госпожа. Матушка не раз предупреждала, что не стоило её злить. Кто знал, не прогневается ли она за упущенную жертву, за проваленный договор? Как на Ворону.

Белый завидовал Вороне и ревновал её к госпоже почти так же сильно, как к Грачу. Ворона росла ловкой, удачливой, всё давалось ей просто. Пожалуй, это и сделало её легкомысленной. Она слишком полагалась на удачу, и однажды та её подвела.

Никто точно не знал, что именно с ней случилось. Ворона провалила заказ, и не просто провалила. Её жертва – избалованный богатый сынок совиного головы – узнал о Вороне, о её заказе, обо всём братстве. Ворона сама ему проболталась. Ей нравилось играть с жертвой, нравилось пугать, точно кошка мышку. Сынок головы рассказал обо всём отцу, они собрали отряд, устроили настоящую облаву. Белый, Грач и Ворона расправились со всеми поодиночке, зарезали кого в собственной постели, а кого прямо в нужнике. Потом, когда они втроём вернулись к матушке, никто не проговорился. Никто ни о чём не сказал. Никто, кроме Галки. Кроме Галки, которой вроде бы и вовсе с ними не было. Не она расправилась с совиным головой, не она уходила от погони, не она по одному вырезала весь отряд преследователей.

Но это Галка шла за ними по пятам, подслушивала и подглядывала. И она же первой добралась до матушки. И когда Грач, Белый и Ворона вернулись, завершив дело, матушка Ворону не ругала. Она дала ей мешочек семян и велела идти в лес.

Ворону больше никто не видел, а спустя несколько лет Белый заметил в лесу, недалеко от дома, поляну маков. Они цвели пышно, ярко, и пахло от них тошно. Люди верили, что маки не давали чародею восстать из могилы. Ворона была чародейкой. Только она и Грач из всех Воронят. Поэтому матушка её и ценила. Поэтому Белый и Галка ей завидовали.

И Ворона, кажется, была самой живой из них четверых. Живее мертворождённого Белого, сильнее Грача с седыми висками и выносливее Галки с огромным шрамом на груди. Их, пожалуй, не должно было быть. Но госпожа одаривала их своей милостью, пока они верно ей служили.

Ворона госпожу подвела.

И меньше всего Белый хотел повторить её судьбу.

С обеда у реки прошло не так много времени, но Галка успела проголодаться и теперь уплетала кисель за обе щёки. Белый лениво попивал квас.

– Дай! – Вадзим опёрся одной рукой о стол, и тот зашатался, другой он выхватил у Белого квас и, громко глотая, быстро осушил всю кружку. – Милка!

– Ох, как ты меня достал, – раздался раздражённый голос с другого конца зала. – Чего тебе?

– Принеси кваса!

– Я не буду за тебя платить, – тихо предупредил Белый.

– Что ж ты за человек такой? – Вадзим рухнул на лавку рядом, упёрся локтями в стол, пряча лицо за ладонями. – Я ж это...

Спорить с ним не хотелось, поэтому Белый промолчал. Пришла Мила, принесла вместо кваса воды, грохнула кувшин на стол так, что он чудом не разбился, и Вадзим схватился за виски.

– Да за что вы так со мной? – простонал он, обнимая кувшин.

– Вроде взрослый дядька, – хмыкнула Галка, – а всё как ребёнок.

– Хых, – он присосался к кувшину.

Терпение подходило к концу.

– Давай, Вадзим, думай. Где искать мальчишку с девчонкой?

Вадзим не отвечал и громко пил.

– Вадзим...

Хлюп. Хлюп. Хлюп.

– Вадзим!

– А-а, да не кричи ты так, – простонал гусяр. – Надо поговорить с одним человечком, который знает других человечков, которые знают всех в округе. Они должны кого-нибудь найти. Но я бы...

Он снова сделал глоток и опустил голову на стол, засипел тяжело:

– Я бы нашёл того, кто это устроил.

– Заказчика?

– Заказчиков. Не верю, что наш заказчик мог позвать ещё и других Воронов... Дорого и глупо. Хотя...

– Кто он? Кто мой заказчик?

Вряд ли стоило ожидать, что Вадзим ответит. Они все были связаны клятвами с госпожой. Все боялись её наказания. Когти клялись выполнять договоры. Клювы клялись заключать договоры между Когтями и заказчиками. Даже имя жертвы позволялось узнать только после

того, как на запястье вырезался знак клятвы: четырёхпалая лапа ворона. Один договор – одна незаживающая рана, что будет ныть и жечь, пока договор не выполнят.

Как Когтям нельзя было не выполнить договор, так и Клювам запрещалось разглашать его условия.

– Белый, ты же знаешь... не имею права.

– Этот человек мог пожелать уничтожить Воронов? Скажи хоть так...

– Нет, – Вадзим поднял голову и уткнулся лбом себе в ладонь. – Хотя... он мог бы легко это осуществить, если бы захотел.

Белый тут же придвинулся ещё ближе.

– Мог бы? – переспросил он. – Значит, у этого кого-то есть деньги.

– И влияние, – добавила сипло Галка.

– Кто это? Белозерский?

– Нет! – вскрикнул Вадзим. – Не знаю! Не скажу. А-а-а! Чтоб вас Пустошь поглотила. Не могу. Знаешь же, что не могу. Чем доставать меня, лучше найди посыльного.

Можно было и дальше прожигать Вадзима взглядом, только бесполезно. Да, он пьяница, но не дурак. Иначе бы не стал Клювом. И точно бы не проработал так долго. А они с Белым уже не один год заключали договоры. Вадзим находил его и в Приморском, и в Твердове. Однажды даже они вдвоём почти добрались до Холодной горы. И всё это время матушка была довольна их работой.

– Ла-адно, – прожигая его взглядом, Белый поднялся и вышел из «Кабанчика» на улицу.

Искать посыльного долго не пришлось. У Красных ворот часто крутились мальчишки, которые за небольшую плату могли обежать город и отнести весточку с одного конца Старгорода на другой.

Мальчишку привели в корчму, дали ему монетку и записку, накорябанную кривым, неразборчивым почерком Вадзима. Белый попытался прочитать, но гусяр вырвал из его рук бересту и отдал посыльному.

– Отнеси Игучке из Белых Берёз. Он живёт...

– Знаю, – кивнул мальчишка, пряча монету в рукаве. – Игучку мы все знаем.

Белый недоверчиво посмотрел вслед посыльному:

– А этот твой Игучка сможет понять, что ты накорябал своей куриной лапой?

– Игучка меня и научил так писать, – оскорбился Вадзим. – Чтобы никто не обученный ничего не понял.

– И когда ждать от него вестей?

– Иди поспи пока, – посоветовал Вадзим. – Оттого что ты прожигаешь меня взглядом, посыльный быстрее не вернётся. А я пока ещё парочке человечков напишу.

Белый проспал почти до заката, а когда проснулся, нашёл Вадзима всё там же за столом корчмы.

– Ну? – спросил он нетерпеливо.

Ему молча передали записку.

Белый пробежал по ней глазами:

– Какого хрена тут написано?

– А? Ой, – Вадзим забрал бересту. – Совсем забыл, что там всё тайным языком. В общем, мальчишку, кажись, вывезли из города. Утром на север отплыла ладья с фарадалом и каким-то мальчишкой.

– На север? – Белый присел, упёрся локтями о стол. – Зачем Грачу везти мальчишку на север?

– Потому что на юг уплыть нельзя?

– Он мог поехать на лошадях. Нет, я не про это. Я про то, кто мог заплатить ему за похищение ребёнка.

– Кто угодно.

– А кто заказал его убийство?

Вадзим прищурился и, усмехнувшись, погрозил пальцем:

– Не держи меня за дурака. Я не проболтаюсь.

– Стоило попытаться.

Они поужинали, дождались Галку.

– Есть вести о девке? – спросила она первым делом.

– Есть, – неохотно кивнул Вадзим. – Лучше сядь.

Оглядевшись, Белый убедился, что поблизости никого не было.

– Я и так сижу, пьянчуга.

– А сейчас ляжешь. Меня просят заключить новый договор на Велгу Буриной.

– Что? Как это возможно?

– Провели обряд, – сказал он, поднося к губам кружку с пивом, – вызвали меня сегодня днём...

– Тут? – перебила Галка. – В Старгороде? Тот же заказчик или новый?

Он фыркнул, не успев отпить, и пена брызнула в стороны.

– Так я вам и сказал. Правила есть правила. Вы, Когти, выполняете договоры, а мы, Клювы, эти договоры заключаем. Давайте не влезать в работу друг друга. Не я придумал эти правила.

– Ненавижу правила, – пробурчала Галка. – Так что за заказ?

– Не совсем заказ, пусть обряд и проведён... но я его не принял. Объяснил заказчику, что он нарушил правила.

Дело обретало всё более любопытный оборот.

– Так что за заказ?

– Один человек предлагал перекупить договор, чтобы... отменить его. – Вадзим сделал глоток и облизнул губы, наслаждаясь то ли вкусом пива, то ли вытянувшимися лицами Белого и Галки.

– Отменил договор?

– Да. Он просит не убивать Велгу Буриной и предлагает за это кучу денег.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы она жила.

Мотая головой, Белый попытался собраться с мыслями. Тот, кто сделал этот заказ, скорее всего, и был первоначальным заказчиком. Иначе как он узнал, что за Велгой послали Воронов? И почему передумал?

– Это невозможно. Нельзя отменить договор, если его благословила госпожа.

– Я так и сказал.

– Тогда что ещё ты узнал? – левое запястье зудело там, где горели выжженные знаки. Они не потухнут, пока Белый не убьёт младших Буриновых. – Нашёл Велгу?

– Нет. Но если она где и будет сегодня, так это на кладбище...

– На кладбище она отправится, когда мы с ней встретимся, – процедил Белый.

– Не-е, ты не понимаешь, – помотал головой Вадзим. – Это обряд такой у старгородцев: старший в роду должен провести три ночи на могиле убитого родственника. Иначе мертвец восстанет, чтобы отомстить обидчикам. Если Велга жива и невредима, то она сегодня пойдёт на кладбище.

– Вадзим! – Белый резко подскочил с лавки. – Сразу нельзя было сказать?

Нельзя тратить время. Солнце уже было низко над землёй.

– Я с тобой, – кинулась следом Галка.

– Даже не вздумай, – огрызнулся Белый. – Сунешься – ляжешь рядом с ней. Это мой договор.

Она обиженно насупилась, а Белый удивился её сговорчивости. Слишком легко сестра смирилась с его решением.

Стоило надеяться, что Галка не встанет больше у него на пути. Белый не хотел вызывать на себя гнев госпожи. Пусть случилась ужасная ошибка и один заказ достался двум Вбронам, но, быть может, на то и была воля госпожи? Может, она желала, чтобы её дети прошли это испытание?

Белый кивнул на прощание Галке с Вадзимом и прошёл к выходу.

– Когда заплатишь за Вадзима? – крикнула ему вслед Мила.

Он не ответил и вынырнул на улицу. От «Кабанчика» до городского кладбища идти было не близко: через детинец на другой стороне Вышни и от Скотьих ворот пешком. Белый уже почти дошёл по опустевшей к закату мостовой до Торговых рядов, когда позади послышались неровные шаркающие шаги. Кто-то догонял его со всех ног, только ноги эти заплетались.

– Стой! – голос Вадзима сорвался на карканье, но Белый уже никуда не спешил, остановился, дождался.

– Что ещё?

– Вот, – он помахал в воздухе свёрнутой берестой. – Вот... только что прислали, – он отдал записку Белому. – Говорят, мальчишку Буриноев повезли к жениху Велги. Это как раз на севере.

– Этому можно доверять?

– Ага, – задыхаясь, закивал Вадзим. – Я им плачу... хорошо... вот, кстати, надо бы... дашь, а?

Не глядя достав пару монет из мошны, Белый вручил их протянувшему руку Вадзиму.

– Зачем он понадобился жениху живым? Разве не выгоднее его убить? Тогда всё наследство достанется Велге.

Спрятав монеты в кулаке, гусяр скривил лицо. Говорить он явно не желал, значит, знал больше, чем было нужно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

– Кому-то выгоднее убить, – согласился он. – Кому-то перетянуть на свою сторону. Так или иначе, у мальчишки сильное имя. А такое имя может принести многое. В прошлый раз имя вернуло Белозерским Старгород.

– Так кому они нужны?

– А ты подожди и посмотри, кто попробует заполучить её живой, а не мёртвой.

От загадок свело зубы.

– Помог так помог, – процедил Белый. – Я тебе за что плачу? За сказки с прибаутками?

Он чувствовал, как разгоралась ярость в груди, и Вадзим, привыкший к его холодному, неизменному спокойствию, вдруг побледнел.

– Да не могу я... Да погоди ты... Кажется, Буриноев много кому нужны живыми и много кому мёртвыми. Только вот мальчишку повезли на север. Ни хрена не ясно. Кто, кого, куда... одно только точно: тот, кто хочет мальчишку живым, не подпустит к нему никого, кроме его сестры.

– У девчонки тоже есть имя, – задумчиво пробормотал Белый. – Как ты говоришь: «сильное имя». Значит, оно приведёт меня к нему.

– А дальше дело за малым. Чик, – он провёл большим пальцем по грязной небритой щеке. – И готово. А дальше: плоть – земле.

– Душу – зиме.

* * *

Колючая щётка так сильно тёрла спину, что Велга не выдержала и взвизгнула:

– Больно!

– Терпи, господица, – сердито велела холопка. – Хочешь беленькую кожу, так терпи.

– Она вся кра-асная бу-удет.

– А как ты хотела? Чтобы водичкой облили? Вон какая ты грязная. – Щётка царапнула ещё сильнее.

– Я не грязная, – Велга вырвалась, плеснула водой и прижалась к стенке купели, прикрываясь руками. – Оставь меня!

– Княгиня велела...

– Оставь! Вон!

Круглое лицо пожилой, отъевшейся на службе у княгини холопки побагровело то ли от гнева, то ли от пара, что поднимался над водой. С засученных рук стекали капли прямо на пол. Толстые пальцы сжали щётку.

– Княгиня...

– Пошла прочь! – Велга вскочила, вырвала щётку и кинула её в холопку. – Пошла!

Она целилась прямо в лицо, но поскользнулась, упала, ушла по голове в воду и закричала, захлёбываясь. Мыльная пена попала в глаза, зад ударился о стену купели, а нога подвернулась. Её грубо дёрнули за волосы, вытащили, встряхнули.

Маленькие глаза на круглом лице холопки сверкали гневом.

– Пош... тьфу... пошла, – отплёвываясь, пропыхтела Велга.

И как только её отпустили, она снова нырнула под воду, схватилась за края купели и вынырнула, тяжело дыша. В стороне хлопнула дверь.

Долго оставалось тихо, так тихо, что слышно было только плеск воды и далёкий звон кузнечного молота во дворе. Вдруг залаяли собаки, и Велга повернула голову на звук. Не Рыжая ли это? Но нет, лай был грубее, ниже. Как так получилось, что она научилась отличать голос своей собаки от чужих? Ведь это была всего лишь глупая псина, как и сотни, тысячи других таких же.

Велга осторожно подняла руку из воды, наблюдая, как по розовой коже стекали капли.

Нужно было помыться... нужно было привести себя в порядок, но...

Она сжалась, пытаясь согреться. Вода остывала.

Снова хлопнула дверь. На пороге замерла, точно истукан, Далибора. Лицо строгое, злое лицо. И тонкие, поджатые губы. Раньше, до свадьбы, тётка была очень похожа на своего брата, отца Велги. Но каждый год, прожитый во дворце князя Белозерского, точно вымывал из неё всё, что делало её Буриной: крепкое тело стало худым и иссушённым, яркие глаза потускнели, и даже волосы, пусть и не рыжие, как у отца, посерели и совсем потеряли цвет. Нянюшка говорила, что Белозерские точно рыбы: холодные, бездушные. И Далибора из госпожи Буриной стала истинной княгиней Белозерской.

– Ты до сих пор не привела себя в порядок, – заключила она недовольно.

– Мне... нужно ещё время, – пролепетала растерянно Велга, опуская глаза.

– Времени прошло достаточно. Вода уже поди остыла.

Она обошла её полукругом, закрывая собой свет из окошек. Было видно, как клубилась золотистая в солнечных лучах пыль следом за прямой, точно жердь, княгиней. Далибора осталась напротив окна, со всех сторон её окутало яркое свечение, и лицо стало невозможно разглядеть.

Хватило ледяного голоса, чтобы понять, насколько она сердилась.

– Мне сказали, ты избила Тихону.

– Никого я не била.

– Она давно и верно мне служит. У меня нет причин не доверять её словам.

– А я – твоя племянница.

– Ты – вздорная, избалованная девчонка.

Велга прикусила губу и погрузилась глубже под воду, оставив над поверхностью только вздёрнутый нос и глаза.

– У нас не принято бить холопов за то, что они выполняют мой приказ. Зато вспыльчивых, невоспитанных девчонок иногда стоит отлупить.

– Не посмеешь, – вынырнув, воскликнула с жаром Велга. – Я княжеская...

– Кто? – она сделала шаг к племяннице.

Небольшой, резкий, пугающий, точно удар ножа, шаг.

– Я...

– Помни, кто ты такая, и не зазнавайся.

Прав был отец, когда ругал Далибору, называл её глупой и спесивой горячкой, обвинял в предательстве рода. Она не Буриной, она не имела права...

– Батюшка всегда говорил, что ты злобная...

Она хотела добавить и другие слова, что говорил про сестру Кажимеж Буриной, да прикусила себе язык.

– Мой брат – спесивый дурак.

Цокая каблуками, Далибора обошла купель ещё раз. Она не поворачивала головы, смотрела в сторону. Замерла, дёрнула носом, но так и не глянула на Велгу.

– Вот и нарвался на кого-то... Держи язык за зубами, Велга. Князя в Старгороде только одни. Это Белозерские.

Их кровь, точно вода из Белого озера, – пресная, мутная. Они не князья, выбранные богами, не князья по праву происхождения. Предатели и убийцы.

– Собирайся, – поторопила тётка и прошла к двери, задержалась у лавки, на которой лежало новое платье, провела рукой по ткани, и Велга подумала, что такое хорошее платье могло когда-то принадлежать самой тётке. – Скоро закат.

– Но...

– Так положено, – перебила её Далибора. – Собирайся.

Помытую, вытертую насухо Велгу одели в платье, на рукавах которого были вышиты ветви и волны, отчего стало ясно, что некогда его и вправду носила Далибора. Но тётка оказалась худосочнее племянницы, и в груди платье тянуло так, что было тяжело дышать. Буйные волосы заплели в такую тугую косу, что стало больно моргать.

Тётка несколько раз обошла вокруг Велги, осмотрела пристально каждую складку на платье, каждый выбившийся из косы волосок подметила, схватила за руки, глянула на поломавшиеся ногти.

– Хм...

Спорить было страшно, даже слова лишнего при ней сказать не хотелось. Пожилая холопка с грубыми руками наблюдала за Велгой со злорадным удовлетворением, мол, так тебе и надо.

Сильно дёрнув, Далибора потянула вырез на груди Велги, но как бы она ни старалась, ткань всё равно до предела натягивалась. Глаза тётки нехорошо сощурились. Она вообще почти постоянно щурилась, будто плохо видела.

– Пошли.

Они поднялись по узкой лестнице ещё выше, почти под самую крышу. Там, где было слышно как курлыкали голуби и шебуршали на чердаке мыши, у распахнутого окна сидел человек. Согнувшийся под весом выпирающего из-за плеча горба, в тёмных просторных одеждах, он скрывал лицо за длинными волосами. Позади него на подоконнике примостился кот.

Яркий закатный свет ослепил Велгу, и она прикрыла рукой лицо, но князь, кажется, понял её иначе.

– Не бойся, дитя, – раздался мягкий голос.

– Я вовсе не боюсь, – нахмурившись, пробормотала Велга.

Она и вправду не боялась, пусть смотреть на князя и было неприятно.

И она точно не была ребёнком. Прошлым вечером она вышла замуж. Да и князь был всего лет на пять старше Велги. Когда он женился, то выглядел совсем мальчишкой. Кумушки в Старгороде потешались над престарелой Далиборой, которую ему сосватали. Далибора Бури-вой годилась князю в матери. Но девушки из других родов за него идти не желали. Шептались, якобы дочка Завида Малого после смотрин пыталась прыгнуть в реку прямо с Сутулового моста, няньки еле успели её удержать.

И дело было не только в облике юного князя. Люди верили, что он проклят. Иначе как мог в благородной семье Белозерских родиться такой ребёнок? Горбатый, с разными глазами, с длинным некрасивым лицом и бледной, точно лён похоронного савана, кожей. Ещё младенцем его отправили подальше из Твердова на правый берег Модры.

И вот он стал Старгородским князем.

– Подойди ближе, дитя, – голос Белозерского звучал так маняще, что противиться ему не было сил.

Прежде они никогда не разговаривали, Велга встречала князя только во время службы в храме. При ярком свете сотен свечей, среди горделивых бояр, рядом со статной женой, князь, клонившейся к земле под весом горба, с трясущейся рукой, едва способной удержать свечу, казался невыносимо уродливым.

Из-за усталости и голода, или из-за мягкого закатного света, или потому, что князь сидел в кресле, и рост и горб его были теперь не так заметны, но теперь князь не вызывал того же отвращения, что обычно.

Медленно, чувствуя головокружение, Велга подошла, шурясь на солнце.

– Да озарит Создатель твой путь, – проникновенно, точно Пресветлый Брат, произнёс голос, озарённый золотым свечением. – Присядь, дай мне тебя хорошенько рассмотреть.

Не будь он так уродлив и женат на её тётке, Велга бы смутилась такого пристального внимания, но воспринимать князя так же, как всех остальных мужчин, казалось невозможным, и потому она смело опустила на колени перед ним, и вправду точно перед Пресветлым Братом.

Один глаз его был чёрным, другой серо-голубым. Мягкий свет падал на лицо с длинным острым носом, и казалось, будто золотые искры плескались в глубине его чёрного глаза. На тонких губах играла лёгкая улыбка. Длинными, тонкими, какими-то птичьими пальцами он заправил за ухо светлые волосы. Лёгких, точно лебединый пух, волос так и хотелось коснуться. Всё-таки даже в самом уродливом создании могло быть нечто красивое.

Велга чуть осмелела и заглянула князю в глаза.

– Да не опалит он тебя, – с запозданием ответила она.

Князь улыбался в ответ, но в глазах его читалась печаль.

– Как ты, дитя? Моя жена рассказала, что тебе пришлось пережить.

– Я...

Она запнулась и тут же почувствовала, как выступили слёзы.

– Я...

– Ты видела, кто это сделал?

Быстро хлопая ресницами, Велга попыталась стряхнуть слёзы. Мир вокруг расплылся. В груди всё сжалось.

– Мой князь, – послышался позади равнодушный голос тётки, – она напугана и никак не придёт в себя.

– Мне нужно знать, кто совершил это преступление, Далибора, – так же тихо и вкрадчиво пояснил князь. – Мы же должны наказать их по закону... и убедиться, что милому дитя больше ничего не грозит, – он неожиданно коснулся холодными пальцами её подбородка, и Велга отпрянула, упала на зад.

И застыла. И от стыда за своё поведение. И от страха перед гневом князя. Как она оскорбила его!

Закрыв лицо руками, она разрыдалась в голос и так и осталась сидеть на полу.

Скрипнул стул. Осторожные длинные пальцы коснулись её плеча.

– Вставай, дитя, тебя больше никто не обидит.

Она выглянула из-за ладоней и увидела эти страшные двухцветные глаза, зажмурилась что было силы.

– Князь, – пролепетала она. – Прости, мой князь...

– Зови меня Матеуш, дитя, – слышно было, как он отошёл в сторону. Голос его стал печальнее: – Всё же мы одна семья. Да и своей у тебя больше нет.

Осторожно, точно мышка, Велга приоткрыла глаза и увидела, что князь Матеуш стоял теперь у окна, опершись одной рукой на подоконник. И больше в его сторбленном, неказистом силуэте не виделось ничего красивого, ничего приятного. Рядом с ним на подоконнике сидел кот редкого светло-рыжего, точно закат, окраса. Матеуш чесал его за ухом.

Велга оглянулась на тётю, надеясь на поддержку, но та только взмахнула рукой, велев встать на ноги. Пошатываясь, Велга поднялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.